

Константин Фрес

Цена ошибки - любовь

«Литнет»

2019

Фрес К.

Цена ошибки - любовь / К. Фрес — «Литнет», 2019

Иногда Крестная Фея вручает Золушке не только модные туфельки и наряд, но еще и проводит с собою на закрытую вечеринку и совершенно не замечает, как та уводит у нее из-под носа ее собственного облюбованного Принца... ..Однажды молодая девушка, отправившаяся на новогодние праздники в пансионат, проводит ночь любви с мужчиной своей мечты, а потом оказывается, что это был вовсе не ее мужчина. Это ее босс и по совместительству парень ее лучшей подруги, красивый мужчина и строгий начальник. Признаться подруге и отказаться от счастья или?.. (В тексте присутствуют подробные сцены откровенного эротического характера, нецензурная брань) Подписаться на автора

© Фрес К., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

1. Лилька	5
2. Александра	8
3. Ян	13
4. Двое	17
5. Потерянная ночная сказка	20
6. Невероятное вероятно	23
7. Пока часы двенадцать бьют	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

1. Лилька

На праздники ехать всей конторой в подшефный пансионат? Это было решение руководства - отдельные номера, спа по утрам, массаж к вечеру, на праздник отдельный зал, танцы и обслуживание, - но Саша точно знала, чья это идея.
Лилька, хищница, светская львица, драконица, стерегущая пещеру с сокровищами, захомотала генерального. Для нее это было также легко, как выпить чашечку кофе - по крайней мере, она так сама утверждала, - и Ян Павлович растаял, выпрыгнул из штанов и перестал заставлять ее называть себя официально. Для Лильки он теперь был "моя Янчик" - так она называла его по телефону, щебеча без умолку. Саша несколько раз видела его вблизи, когда он заходил за документами (а на самом деле чтобы еще раз увидеться с Лилькой, роман с которой у него входил в самую горячую стадию). Сашина мама непременно бы всплеснула руками и жарко, с придыханием, произнесла бы «крас-сивый мужчина!» , так он был хорош.
Породистый, черт, жеребец. Молодой - чуть больше тридцати, может, тридцать пять, - спортивный, широкоплечий. Иссиня-черные волосы, пронзительные синие глаза. Тонкие породистые черты. Красивая улыбка. Высокий, длинноногий. Вечно упакован в безупречно выглаженную сорочку и в дорогой костюм, как подарок в красочную обертку. Ухоженные ногти, аккуратные длинные пальцы, широкая ладонь, крепкие запястья - женщины восторженно ахали, вспоминая его руки. Взгляд самоуверенный, свысока; рваные короткие фразы. Он нравился женщинам, и даже те из них, которые подвергались административным взысканиям и ходили к нему на ковер, подписывать приказ о лишении премии, говорили не о том, как грозно он их распекал, а о том, какой он красавец. Зная об этом, он словно избегал излишнего общения с персоналом, и не зря, раз попался на зубок Лильке и тут же сдался.
Лилька была та еще штучка. Шустрая, цепкая, хваткая, но не стерва. Саша оценила это, когда Лилька без труда сосватала ей славного и тихого парня из программистов, Мишу. Миша был из интеллигентной, очень приличной и состоятельной семьи, иногда чересчур робок, но внимателен и приятен в общении. В отличие от других ухажеров, которых, к слову, у Саши было не так много, он не сыпал сальными шуточками и не попытался забраться ей под юбку в первый же день знакомства.
- То, что надо, - безапелляционно заявила Лилька Саше.
Надо... себе, однако ж, она подыскивала более выгодный вариант, и таки нашла его. Эффектная блондинка, копия Мерилин Монро, такая же аппетитная, вертлявая, ладная. Всегда безупречно одета, всегда весела и беспечна. «Мужчинам это нравится, - говорила она, пожимая плечами. - Никто из них не хочет смотреть на грустную, несчастную рожу, будь ты хоть трижды княжна. Все хотят легкости».
И это было правдой.
Иногда Саша думала, что у Лильки нет ни тормозов, ни совести - так бессовестно и откровенно она копировала еще одну великую блондинку, Шерон Стоун. Улыбаясь, прося закурить у очередного новенького сотрудника или охранника, она неспешно закидывала ногу на ногу. Мужчины от звука трущихся друг о друга бедер, обтянутых чулками, терялись и как замороженные смотрели туда, под коротенький подол обтягивающего ее бедра платица. И самый каменно-мордый охранник заливался стыдливым румянцем, как третьеклассник под ее сияющим, развратным взглядом. Носила ли Лилька трусики, оставалось тайной, но в курилке утверждали, что нет. Но наверняка сказать не мог никто - за любую попытку познакомиться поближе можно было и по роже схлопотать, и драконовыми когтями.
Работала она в бухгалтерии, рядом с Сашей, и одному Богу было известно - или черту, которому она продала душу, - когда она успевает делать свои дела. Целыми днями она полировала алые ноготки и подкрашивала губы, весь кабинет ее пропах духами, а на обеденном столе всегда лежала распечатанная коробка подаренных конфет или шоколадка, хрустящая фольгой. Мужчины не умели ей отказывать ни в чем. Говорят, генерального она так и взяла - подписывая приказ, улыбаясь на все грозные внушения, которые генеральный щедро сыпал на ее повинную голову, она попросила у него

прикурить, продемонстрировав ему тайны своего подъябочного пространства. Ян Павлович был вне себя от такого нахального, наглого флирта. Глядя своими суровыми бесстрастными глазами в бесстыжие лилькины, он все же поднес зажигалку к ее сигарете и неспешно, холодно - так, что, наверное, цветы на подоконнике повяли, - произнес:
- А вы что, совсем не боитесь меня, девушка?
- Боюсь? - Лилька выпустила тонкую струйку дыма из покрашенных губ в потолок и взглянула в суровое лицо генерального своими блестящими глазами. - Это такое трудовое требование? Обязанность? Бояться вас?
И генеральный поплыл.
Говорят, на первое свидание с ним Лилька не пошла. Сделала вид, что испугалась, плакала ему в трубку, что он захотел ее уволить, и потому приглашает в ресторан, надеясь на ее отказ, словом несла какую-то несусветную чушь, словно он не на свидание ее позвал, в газовую камеру, отчего у нее приключились паника и истерика одновременно. Он долго убеждал ее, что это не так; оттаяв, долго уговаривал как маленькую девочку, шептал что-то в трубку, улыбаясь, закрывшись у себя в кабинете.
Убедил; добился.
Лилька обставила все так, будто действительно он добился, уломал, уговорил, победил, хотя на самом деле все было иначе. Попался, глупый, как откормленный карась в садок. Был допущен до тела и получил все, о чем мог мечтать - и, наверное, кое-что из того, о чем даже не думал? Неделю осеннего отпуска, в самую слякоть и промозглое межсезонье, парочка провела в загородном отеле, и говорят, что по возвращении Ян Павлович еще неделю пребывал в приподнятом настроении духа, витая в облаках. Секретарь, принося ему на подпись документы, не раз замечала, что он с кем-то говорит по телефону, точнее - слушает с улыбкой, покачиваясь в кресле, и от его былой холодности и отстраненности и следа нет.
После этого Лилька подняла голову. Она стала капризничать, выпрашивать подарки, и эту поездку всей конторой выпросила именно она, чтобы пустить пыль в глаза остальным сотрудникам, а генеральный подписал - словно с барского плеча кинул.
Саше, в общем-то, было все равно.
На свои, кровные, заработанные, она никогда бы такую поездку не купила. Нет, не сказать, что слишком дорого, но все же денег жаль. Можно купить новые сапоги и пуховик, да и вообще деньги на дороге не валяются. А оплаченная конторой поездка - это ж подарок небес! Отдохнуть, развеяться. Не думать ни о чем - уборку и обед делает персонал.
Мишка, конечно, поехал с ней.
Сначала он ужасно стеснялся - того, что чужие люди будут прибирать его постель, что вообще посторонние люди будут в курсе того, что они с Сашей спят вдвоем. Лилька, слушая его лепет, только презрительно фыркала, стряхивая пепел с сигареты.
- Миша, - холодно говорила она, - всем чихать на твои трусы, повисшие на люстре, они тут и не такое видали. А то, что девушка и юноша спят в одной постели - это как раз очень нормально. Поверь, если б ты спал один, вот тут бы пошли нехорошие разговоры.
- Какие?! - строго произнес Миша, поправляя очки, и Лилька язвительно передразнила:
- Такие! Что твой бой-френд тебя бросил, сечешь? В наше время лучше иметь под боком девушку, Миша!
И Миша сник и сдался.
Если честно, то Саше было очень неприятно, что ее молодой человек такой бесхитростный, и что им так запросто управлять. Лилька, конечно, говорила, что делает это ей на пользу, обнажает рычаги управления, но кому нужно, чтобы этими рычагами пользовались все подряд? Слушая, как Лилька воспитывает распетушившегося Мишу, Саша испытала некое чувство досады и даже - о ужас! - злости, совершенно неблагодарно подумав, что себе-то Лилька выбрала в ухаеры отнюдь не краснеющего ботана. Впрочем, и этому Саша тотчас нашла объяснение. У Лильки обычные серые ясные глаза, безо всяких изъянов, а у Саши - гетерохромия. Один глаз с яркой карей радужкой, второй - голубой. Люди, впервые ее увидевшие, раскрывали в удивлении рот и таращились как на чудо морское. Лилька уверяла, что они просто удивляются. Но Саша, мучительно багровея под любопытными взглядами, была уверена, что люди таращатся на ее уродство. Еще в школе мальчишки постарались, привили ей чувство ущербности, дразня то светофором, то светомузыкой. Линзы немного помогли исправить ситуацию, но долго Саша носить их не могла - глаза начинали слезиться, жутко чесались, краснели, и Саша, помучившись, отказалась от

них. И ничто не помогало исправить самооценку, вколоченную в голову многочисленными доброжелателями - ни фитнес с доведением своих форм до идеальных, ни уверения парикмахеров в том, что ее волосы просто мечта каждой женщины, густые и здоровые, ни комплименты коллег... Глядя на себя в зеркало каждое утро, Саша видела одно и то же - приятную молодую девушку с тонкими чертами лица, но с отчаянно разными глазами. Ей казалось, что карий глаз слишком яркий, а голубой - чересчур светлый, и от этого она выглядит скорее как одноглазая. В отчаянии она надевала линзы, но ее хватало лишь на полдня, и она, измучившись от зуда, снова их снимала и прятала взгляд ото всех, низко склоняясь над работой - от клиентов, от коллег, подшучивающих над ней, от самой себя, стараясь лишний раз в зеркало не смотреть.

Да, ярмарочному уродцу и ботан-Миша был вполне хорош, и потому Саша остывала, замолкала, вспомнив свое отражение в зеркале... - Завянь и замолкни, - грубо произнесла Саша, когда Миша разразился очередной гневной тирадой по поводу их совместного проживания в номере. - Не хочешь ехать - не надо. Я хочу нормальный праздник, нормальный Новый год с подарками, сюрпризами, с танцами и маскарадными костюмами. Раз в кои-то веки куда-то можно выбраться и, наконец-то... потрахаться по-человечески!

Миша смутился, покраснел, и Саша - тоже, потому что намеренно грубо и безжалостно зацепила самую болезненную точку мишиной души. Ей стало неловко за собственные бестактность и жестокость. Она сделала это отчасти потому что вялотекущие отношения порядком надоели ей, а бросить Мишу она не отваживалась. Но вечно бдящая матушка Миши, прислушивающаяся к каждому шороху за стеной, сводила все его попытки довести ухаживания до логического завершения на нет.

Саша ей не нравилась; по ее материнскому мнению "таких девушек у тебя будет миллион, почему именно она?". Миша оставался непреклонен, но и мама - тоже. На узком мишином диванчике оба замирали, как парализованные, слыша сердитое покашливание маман, и Миша шумно сопел, буквально трясясь от смеси желания секса и злости на собственную родительницу, пока его руки жадно тискали бедра Саши.

Естественно, неловко задранные юбки, торопливые беззвучные поцелуи и грубые поспешные ласки романтики не добавляли и придавали свиданиям какой-то дурноватый привкус. О том, чтобы встречаться у Саши, и речи не шло - однушка, которую Саша делила с матерью и маленькой сестрой, мало походила на романтическое гнездышко.

Поездка решала эти проблемы. Не будет подглядывающих и подсматривающих родственников, не будет запахов пригоревшей каши с кухни и шкрябанья кота под дверью. И будет бал - на деле, конечно, обычный корпоратив с танцами, но в глубине души Саша, скрывая от самой себя, называла это мероприятие не иначе как балом. На новогоднюю премию и кое-какие сбережения она купила платье - не какой-нибудь заурядный китайский трикотаж с пайетками, а настоящее маленькое черное платье, в котором она выглядела элегантно и изысканно. Если прибрать волосы в аккуратный валик, то выглядеть она будет как настоящая леди, а не зашуганная серая мышь из бухгалтерии.

- Словом, я еду, - тоном, не терпящим возражений, произнесла Саша. - Ты - как знаешь.

- Да он просто боится брать на себя обязательства. Ведь вдвоем в номере это уже как бы официальное заявление на всю контору, что вы пара. Да, Миша? Пусть дольше ломается, - подзудела Лилька, выпуская серу струю дыма из накрашенных губ и глядя на взъерошенного, рассерженного Мишу смеющимися глазами. - Саня, не парься. Сядешь за мой столик, я всем тебя представлю как мою свободную, молодую, красивую подругу. Начальника безопасности знаешь? Вот такой мужик! - Лилька продемонстрировала оттопыренный большой палец. - Не старый, холостой, при деньгах. Не дурак и не скотина, между прочим. С ним у тебя точно все склеится. Я дам тебе свою шубку и красные саожки, ну те, помнишь, которые тебе нравились? Он тебя увидит в них и с ума сойдет.

И услышав это, Миша сник и уступил.

2. Александра

Вокруг шумел сосновый бор, синее небо было ясным, высоким и прозрачным - таким, какое бывает только в морозную зиму.
 Лилькина шубка села на Сашу как влитая, выгодно подчеркнув фигуру. Надо же, кто б мог подумать, что разница между серой мышью и офисной богиней в одной лишь шубке... Саша носила просторные свитера и скромные юбки до середины колена и особо никогда себя не сравнивала с Лилькой. Не смела сравнивать. А оказалось, что у нее фигура ничем не хуже.
 Яркие сапожки тоже пришлись впору, и в автобусе при посадке Саша действительно получила комплиментов на порядок выше, чем обычно. Краснея от удовольствия, она посмеивалась, когда обычно бесстрастный начальник охраны вдруг галантно предложил ей руку, словно она не в "Икарус" собиралась зайти, а в карету со впряженной в нее пугом шестеркой.
 Саша, волоча свою старенькую походную сумку, надышалась свежего воздуха до опьянения, до эйфории. По расчищенной аллее, между скамеек, чуть припорошенных снегом, меж сосен и черного кружева кустов, на которых яркими бусинами краснели снегири, она добежала до корпуса пансионата.
 Лилька медленно тащиась где-то у нее за спиной, чуть покачиваясь на высоких каблуках, кутаясь в меха роскошной голубой норки, купленной специально к новому году, и недовольно бурчала что-то в телефон. Кажется, Ян Павлович задерживался в городе, и, судя по недовольному голосу Лильки, в сотый раз переспрашивающей "Что?! Когда-когда?!", обещал прибыть только к утру завтрашнего дня. Лилька чуть не рыдала от разочарования и обиды. Ясное дело, что в этих мехах, с прекрасной укладкой, в совершенно роскошном платье Лилька рассчитывала ехать с Яном на его "Лексусе", удобно устроившись на пассажирском сидении, а не на задних сидениях автобуса с подвыпившими мужиками, травящими анекдоты и громко хохочущими по поводу и без.
 - Ну, что там твой Ян? - Саша обернулась к подруге, которая наконец-то прекратила терзать ни в чем не повинный телефон.
 - Да ничего, - Лилька почти в истерике кинула трубку в сумочку, яростно закусила губу. С утра она была накрашена яркой алой помадой, но сейчас на ее губах не было даже намека на косметику - так яростно она кусала губы. - Остается в городе, мать его. Сучку, что ли, себе завел?..
 - С чего?! - рассмеялась Саша. - У вас же только все началось! Кто в такие моменты заводит себе любовниц?! Здоровья-то хватит?
 Лилька сурово сопела, сдвинув брови. Неторопливо шагала она по хрустящему снегу, Саше пришлось замедлиться, хотя ужасно хотелось убежать вперед, оставив ее здесь наедине с ее криками и истериками, которые были так нестати к праздничному настроению.
 - Этому на всю контору хватит... Да 마리новала я его долго, - нехотя призналась Лилька. - Играла в невинную девочку... мог и озвереть мужик.
 - Зачем?! - изумилась Саша и Лилька смерила подругу высокомерным презрительным взглядом.
 - Затем! - холодно ответила она. - Если выложить ему все и сразу, то какой у него интерес ко мне будет? А так... сегодня одно, завтра другое... он постоянно добивается, завоевывает. Чуешь? Игра. Азарт. Открытия. Цель получить еще что-то, что-то большее. Мужики без этого не могут. Эх, только б не передержала!
 Лилькины премудрости рассмешили Сашу, она расхохоталась.
 - Смотри, прохлопаешь! - подзудела она. Лилька крепко сжала искусанные губы, ее серые глаза превратились в две узких щелки.
 - Не-ет, - упрямо протянула она. - Этот от меня не уйдет... Ничего страшного. Не сегодня, так завтра. Любовницы у него точно нет, он у меня круглосуточно под контролем. Приедет он сюда, и я ему устрою...
 Что конкретно Лилька собиралась устроить Яну Павловичу, она умолчала, но, судя по интонациям ее голоса, живым ему было от нее не уйти. Она еще что-то бормотала сквозь сжатые зубы, то ли проклятья всем тем, кто задержал генерального в городе, то ли обещания ему, - но Саша ее не стала слушать. Даже хныканье подруги не смогло ей вынырнуть из блаженной эйфории, что называется волшебным словом - ожидание. Ожидание чуда.
 В холле пансионата витал какой-то особенный аромат

- праздника, предвкушения, исполнения желаний, - и Саша почувствовала прилив радости, почти детского восторга, так похожего на счастье Золушки, попавшей на вожденный бал. Ее радовало все - новизна места, которое она видела в первый раз, мягкий свет светильников на кремовых стенах, натертые до блеска латунные ручки на дверях, постельное белье, остро пахнущее свежестью морозного дня. Она едва удержалась, чтобы не упасть в постель одетой, как есть - так велик был ее восторг. Даже ворчание Миши, волочившего свой чемодан, не испортило ей настроения.
 - Завтра мы будем танцевать вальс в большом зале! - крикнула она, вальсируя по комнате. - А сегодня ужин на двоих! Как тебе это?
 Как ему это, Миша не ответил. По пути, еще в автобусе, он с программистами накидался водочки под анекдоты и нехитрую закуску - плавленые сырки и кое-как покромсанные перочинным ножом огурцы, без запаха и совершенно безвкусные, - и теперь говорить мог только совсем короткие и очень сердитые слова, тщательно маскируя под напускной суровостью опьянение. Саше показалось это очень смешно; Миша смотрел на нее исподлобья, стараясь выглядеть серьезным, но смотрелось это очень потешно.
 - Мишенька, - пропела Саша, счастливо улыбаясь, осторожно снимая с него очки и легонько чмокнув его в нос, - перестань дуться! Сегодня просто чудесный день! Он полон сюрпризов, Мишенька!
 Она рассмеялась, стащив шапку, расстегнув меховой ворот шубки.
 - Надеюсь, ты приготовил мне подарок? - игриво поинтересовалась она. Особо ни на что Саша не рассчитывала, но на расслабленном лице Миши вдруг промелькнуло осмысленное выражение, он звонко хлопнул себя по лбу.
 - Сашка, - внезапно радостно улыбнувшись и прекратив притворяться трезвым, протянул он. - Ну, я осел! Подарок же! Твой подарок! Я его положил в сумку к Пахомычу!
 - Зачем?! - с хохотом выкрикнула Саша. Ей казалось, что праздничное настроение просочилось и в эту комнату, наполнило, напаяв собой их обоих.
 - А вдруг бы ты полезла и нашла раньше времени? - виновато улыбаясь, произнес Миша.
 - Глупый, - прошептала Саша, обхватив молодого человека обеими руками. - Я же не твоя беспардонная мама...
 Прижимаясь щекой к грубой ткани его пальто, Саша чувствовала себя самой счастливой на свете, и ей было абсолютно все равно, что подарок ее затерялся в сумках у какого-то Пахомыча.
 - Так я сейчас! - радостно забормотал Миша, осторожно освобождаясь из ее рук. - Сейчас!
 И он, как был - в верхней одежде, с сумкой через плечо, - вывалился в коридор, топоча ботинками.
 Саша была даже рада, что он ушел. Ей необходимо было время, чтобы побыть одной, обвыкнуться, разложить вещи. Принять ванную - с восторгом Саша обнаружила, что ванна тут была просто огромная, как бассейн, не то, что эти жалкие тесные лоханки. От разнообразия шампуней, масел, ароматов у нее закружилась голова. Не надо ожидать своей очереди, сидя перед скучно бормочущим телевизором, в рваных тапках, халате и с полотенцем на шее, не надо перемывать ванну после сестренки и подтирать пол за матерью. Саше тотчас захотелось сделать пышную пену, влезть в это ароматное облако и уснуть в нем. За приятными хлопотами она совсем потеряла счет времени. Когда она, накинув махровый теплый халат, направилась в ванную, за окном было уж темно, снег падал крупными хлопьями на фонарь под окном, на карниз и ветви сосны. Напевая, едва ли не пританцовывая, Саша погрузилась в горячую ароматную воду. Намокшие светлые русые волосы потемнели, кожа налилась румянцем, и Саша с удовольствием откинула голову на бортик ванной, расслабляясь и закрывая глаза.
 Мишка что-то задерживается, внезапно подумала она. Но ведь он же придет, тут же посетила ее следующая мысль, и она тихонько захихикала, как девчонка-девятиклассница, предвкушающая поцелуи под лестницей после дискотеки. Миша придет; и их будет ждать огромная двуспальная кровать, с чистым крахмальным бельем и теплым мягким одеялом. И они, наконец-то, смогу побыть вдвоем так, как им давно хотелось, но никак не получалось...
 Саша под водой несмело протянула руку, коснулась своего живота, гладко выбритого лобка. По телу ее прошла горячая дрожь, она закусила губу, нащупав возбужденный бугорок. Господи, сколько его не было, секса-то? Она уже и не помнит. Робкие обжимания у Миши дома даже петтингом назвать было стыдно. А тело про-

сит своего. Пальцы Саши скользнули ниже, меж ног, жадно растирая промежность, девушка вздохнула глубже, второй рукой потирая ягодицы - мягкие, разогретые, распаренные... ее кожа сейчас просто насквозь пропахла ароматическими маслами, вода сделала ее горячей, мышцы - расслабленными, мягкими. Заниматься любовью сейчас было бы так романтично... Именно сейчас девушке хотелось, чтобы чья-то рука - не ее собственная! - гладила ее меж ног, стискивала ее тело. Хотелось, чтобы чьи-то губы ласкали ее всюду, где только возможно. Чтобы чьи-то сильные руки удерживали ее, бьющуюся в экстазе.

Мыло скользнуло по ее руке, груди, провело влажную полосу по животу. Тщательно разглаживая себя, разогретую, мягкой мочалкой, Саша думала о том, что сейчас она очень чистая, ароматная, и можно ее целовать всюду. Смыв с покрасневшей кожи остатки пены, прогнав белые хлопья звенящими струями из ванны, девушка вновь опустилась в теплую воду. Жар словно стек с ее полыхающего тела и теперь сосредоточился в ее животе и девушка, словно невзначай поглаживая себя, вдруг поймала себя на мысли, что было бы неплохо лечь на дно ванны, расставив пошире ноги, опершись ими о борта, поддеть переключатель большим пальцем и устроиться так, чтобы вода тонкой упругой струйкой падала прямо на клитор, тревожа и теребя его... Стало ужасно стыдно от этого желания, но Саша уже решила. В конце концов, ничего в этом такого нет. В конце концов, почему нет. «А еще можно представить, что это и не вода вовсе, - подумала Саша, краснея, словно кто-то мог услышать ее потаенные мысли. - А чей-то язык... а чьи-то руки обнимают мои бедра... И он, этот таинственный незнакомец, очень хочет доставить мне удовольствие и очень настойчив!»

Он первого прикосновения воды Саша ахнула, вся подавшись вперед, дыхание ее сбилось, бедра задрожали и напряглись почти до боли. Удовольствие было слишком сильным, и Саша выгнулась, подставляя под бьющую струю горящую жаждой дырочку. Так ощущения были не настолько острыми и интенсивными, и Саша, устраиваясь на дне ванны, несмело развела сомкнувшиеся было колени, переводя дух.

Вода лилась, тревожа ее, мягко пульсируя, наполняя ее удовольствием. Саша постанывала, поглаживая острые соски, стараясь вспомнить - как это, ласкающие ее мужские руки? - разводя ноги шире, двигаясь навстречу воде. Это походило на неглубокие, частые мягкие проникновения, осторожные и нежные, но ей хотелось удовольствия горячее и немедленно, и Саша снова двинула бедрами, подставив под струю клитор. От перемены ощущений она снова вскрикнула, ее колени дрогнули, она едва не закрылась, но все же вынесла острое удовольствие и, постанывая, дрожа, как натянутая струна, извиваясь на дне ванной, в теплой душистой воде, продолжила неторопливые движения бедрами, перемежая острое нестерпимое удовольствие с нежным и осторожным.

Мигнула лампочка, красным угольком загорелась нить накаливания и потухла совсем. Кажется, свет погас во всем номере, но это не напугало Сашу.

«Потом, - пронеслось у нее в голове, - потом позову кого-нибудь...»

Свет словно стер, унес с собой остатки неловкости и стыдливости. В темноте, слыша лишь плеск воды, упругое биение воды о свое тело, Саша словно голову потеряла. Она извивалась, громко постанывая, двигая бедрами все сильнее, перемежая яркое, сильное и спокойное удовольствие. Словно большой упругий язык вылизывал ее промежность, захватывая абсолютно все чувствительные местечки, заставляя ее коленки трястись как в лихорадке и голос - вырываться из ее губ жадным грубым рычанием.

- Развлекаешься тут без меня?

Голос в темноте был хриплым, ломающимся, словно простуженным, и Саша, вскрикнув, оттолкнулась ногами от бортов ванны, села торчком, прикрываясь руками. Стыд-то какой! Наверное, Мишка вернулся, и застал ее... о господи, и подумывать стыдно!

- Нет-нет, - поспешно и очень мягко произнес мужчина. - Не надо останавливаться. Мне... очень нравится то, что ты делаешь.

В темноте зашуршала его одежда, кажется, на кафельный пол упала рубашка, звякнула пряжка ремня.

- Да я не хотела, - принялась оправдываться Саша, прижимая ладони к горящим от стыда щекам, но он жестко пресек ее. - Ой, мне так стыдно...

- Я хочу, чтобы ты это делала, - он переступил через борт ванной, его прохладное тело скользнуло ей за спину, ладони сжали ее горячую грудь -

так, как она мечтала только что! - массируя и дразня ее острые соски, - и он, целуя ее в подрагивающую шею, чуть куснул мочку ее ушка, шепнул: - Давай попробуем вместе, ммм? Я хочу еще послушать тебя, когда тебе хорошо. Никогда не слышал ничего прекраснее.
 - Нет, я не могу! - пискнула Саша, чувствуя, как его рука скользнула у нее между ног и пальцы потеребили набухший, чувствительный клитор. От одного прикосновения к нему Саша вскрикнула, сжала бедра, зажав между ними прохладную мужскую ладонь.
 - Только что могла, - хрипло шепнул он, настойчиво двигая пальцами меж ее сжавшихся бедер. Один из его пальцев нашел дырочку, все еще пульсирующую от наслаждения, и настойчиво проник внутрь, так, что Саша не смогла сдержать нежного стона, жалкого и полного удовольствия одновременно. Палец настойчиво и даже жестко ласкал ее внутри, она содрогалась всякий раз, когда он выскальзывал из ее горячего тела и погружался в нее вновь, еще настойчивее, жестче, глубже. - Значит, и вдвоем у нас что-нибудь, да получится. Ммм?
 У него были очень сильные руки. Саша поняла это, когда он поднял ее и устроил у себя на коленях, прижав ее горячей спиной к своему прохладному животу. Его ладони скользнули по ее бедрам, пальцы крепко сжались на горячей плоти под ее коленями и он слегка насильно развел ее ноги в разные стороны. Саша завозилась, сгорая от стыда, попытавшись освободиться, все еще думая, что это всего лишь шутка, но он не позволил ей свести колени вместе. Его пальцы были жесткими, они даже причинили боль, впившись в нежную кожу девушки, и Саша внезапно ощутила еще один прилив горячего возбуждения, ожегшего ей живот. Она чувствовала себя абсолютно беспомощной, раскрытой, всецело в его власти.
 - Мне так нравится, как ты стесняешься, - прошептал он горячо, покрывая ее дрожащую щеку поцелуями и подтягивая ее колени к ее груди, делая ее совершенно открытой и абсолютно доступной. Сердце у Саши готово было выпрыгнуть от смеси стыда и возбуждения, она крепко закусывала губы, вся дрожа в его сильных руках, чувствуя, как льющаяся струя воды чуть задевая ее бедро. Она знала, что сейчас произойдет, боялась и невольно желала этого.
 - Кричи, - тихо выдохнул мужчина ей в ухо, и подставил ее раскрытое тело под бьющую струю воды, крепче сжав пальцы под ее коленями.
 Он угадал; упругая струя, вибрируя, теребя, ударила прямо в клитор, и Саша вся напряглась, едва не подпрыгнув на его коленях и зарывчав. Вода упруго теребила ее клитор, не давая ни мгновения передышки. Две, три, четыре секунды - столько острого, невозможного удовольствия она вынесла бы сама, прежде чем волна оргазма накрыла ее и заставила забиться, но его сильные руки держали ее, содрогающуюся, в том же положении, и удовольствие превратилось в пытку, выгибающую тело, сводящую мышцы в судороге. Стоны, переходящие в крик, заматались меж кафельных стен, щекоча нервы.
 - Все, все! - кричала Саша, выгибаясь, содрогаясь, пытаясь вырваться из удерживающих ее рук, вцепляясь руками в края ванны так, что пальцам стало больно, чувствуя, как острое удовольствие словно отточенным ножом терзает ее тело. - Не могу больше, не могу!
 Но ее мучитель словно не слышал, упорно удерживая ее бьющееся тело так, чтобы пытка не прекращалась, и девушка заходила в столах, сопротивляясь его силе.
 - Сможешь продержаться, пока я считаю до десяти? Тогда отпущу, - шепнул он, вынимая ее содрогающееся тело из-под струи. - Да? Нет? Или будем делать это о-о-очень долго?
 От него пахло шампанским.
 «Мишка, паразит, набрался и возомнил себя черт пойми кем!» - мелькнуло в голове Саши, но он снова опасно поднес ее к воде - струя пролилась, лаская и щекоча сжавшийся анус, и Саша выкрикнула, абсолютно не заботясь о том, какая тут звукоизоляция:
 - Да, да, хорошо, хорошо!
 - Молодец, девочка, - произнес мужчина и аккуратно пододвинул ее под упругую теплую струю.
 От острого, невыносимого удовольствия, почти перешедшего грань страдания, Саша вся напряглась, дрожа в удерживающих ее руках, чувствуя, как жгучий оргазм снова выламывает ее тело, заставляет извиваться и кричать, задыхаясь, как бы она не сопротивлялась.
 - Еще, еще, девочка моя, - шептал мужчина ей на ухо, и она кричала еще, расставляя ноги еще шире, стараясь хоть как-то увернуться из-под терзающей ее струи. - Еще не все. Терпи... Семь, восемь... Я хочу, чтоб

ты еще разок кончила... Ты чудесно кончаешь.
 - Все, не могу больше, - рычала она сквозь зубы, кончая. - Не могу! Не могу-у-у...
 Ее позвоночник извивался сам по себе, словно жил своей жизнью, она не могла его усмирить. Острое удовольствие словно разрывало ее на кусочки, она билась и извивалась в руках, удерживающих ее и безжалостно подставляющих ее незащищенное тело под струю воды, крича и багровея от напряжения. Она пробовала совладать с собой, но тогда ее напряженные бедра ее начинали дрожать так, что было видно даже в темноте, и от нового оргазма она орала еще громче, содрогаясь и извиваясь на коленях мужчины. Он отпустил одну ее ногу и его пальцы вошли в ее тело жестко, даже грубо, словно нанизывая ее на удерживающий стержень, проникли глубоко, настойчиво. Саша закричала от наслаждения, насаживаясь сильными толчками на его руку, извиваясь и кончая, ощущая жадные, сильные и частые сокращения своего лона на его пальцах, жестко ласкающих ее изнутри. Он притянул ее к себе, закрывая ее рот жадным поцелуем и продолжая настойчивые толчки в ее теле. И она, отвечая ему со всей страстью, бесстыдно двигала бедрами, насаживаясь на его руку, своими руками направляя его пальцы поглубже в свое тело, доводя себя до невыносимых ощущений, продлевая удовольствие настолько, насколько это возможно, содрогаясь в его объятиях.
 - Да ты мертвого поднимешь, детка... Это было...
 Она жадно дышала, словно воздуха в комнате совсем не осталось, и каждую новую порцию острого, сводящего удовольствия принимала с ужасом и наслаждением. Мишка, этот негодяй, словно набрался храбрости, выпив со своим Пахомычем, и разгадал ее потаенные фантазии. Вот о таком сладком насилии она и мечтала, о сильных пальцах, удерживающих ее ноги, об удовольствии через край, чрезмерном, диком, невыносимом. Чтобы хотел доставить... и был очень настойчив...
 Саша жалобно и беспомощно постанывала, когда он, наконец, прижал ее к себе, содрогаящуюся от любого прикосновения и снова поцеловал, жадно, страстно, нетерпеливо, лаская ее губы языком, проникая в ее рот и доводя до поскуливания, до новой волны возбуждения, от которой она стискивала колени, стараясь хоть как-то заглушить бессовестное желание, рождающееся в низу живота и растекающееся по телу сладкой истомой, заставляя намокать ее и без того мокрое лоно.
 - Умница моя, - посмеиваясь в темноте, произнес ее мучитель, вынимая ее из-под воды. Саша, тяжело дыша, откинулась на его плечо, ее судорожно сжатые пальцы расслабились, выпустили края ванны. - Как ты меня порадовала... это было чудесно!
 Лежа без сил на его разогревшемся теле, Саша чувствовала, что он уже возбужден, да иначе и быть не могло. Его возбуждение ощущалось во всем - в участившемся шумном дыхании, в бешеном ритме, которое выбивало его сердце, в легкой дрожи пальцев, любовно разглаживающих ее ароматную кожу, в жадных поцелуях, в том, как он сжимал, тискал ее мягкие бедра.
 - Я убью тебя, - пролепетала она заплетающимся языком, чувствуя, как рука мужчины ласкает ее грудь с остро торчащими сосками, ее подрагивающий живот и бессовестно раскрытые мокрые бедра, припухшие от возбуждения половые губы, как его пальцы снова и снова входят в ее горячее мокрое лоно, ловя последние, самые нежные спазмы ее удовольствия, наслаждаясь ощущением ее откровенного удовлетворения.
 - Потом, - прошептал он со смешком, поднимаясь и увлекая ее за собой. - В постель? У меня подарок для тебя, помнишь? Я же обещал.
 "О господи, - подумала Саша. - Я уже кончила раз десять, а мне еще трахаться с этим парнем..."
 - Нет-нет-нет! - протестующе простонала она.
 От интонации, с которой он произнес это слово - «подарок», - ее в жар бросило, но он уже шагнул к постели, сжимая ее в руках так легко, словно она была пушинкой.
 - Да-да-да, - произнес он, смеясь. - Ты же хотела этого, да? Ну, хотела же, признайся!
 - Ну хоть отдохнуть дай...

3. Ян

- В топку все...
 Ян устало пустился на удобное сидение в салоне автомобиля, захлопнул за собой дверцу.
 - Поехали, Толя.
 Устал жутко. Новый год, называется... все самое важное пришлось доделывать в последний момент, договор чуть не полетел к чертям, перепроверяли и подписывали буквально на коленке. Торопливые поздравления, глоток шампанского и конфета вместо закуски - поганая, надо отметить, конфета, какой скупердяй купил этого коричневого пластилина в нарядной обертке?! А с утра, в этом аврале, маковой росинки во рту не было. Шампанское сразу ударило в голову, разлилось тяжелой усталостью по плечам. И еще разрывающийся от звонков мобильник... Ян снова устало поморщился, глотнул ледяного шампанского прямо из горлышка, сплюнул приставший к губам мелкий кусочек золотой фольги и прикрыл глаза, выключая сотовый. Вкус праздника, с-сука...
 Лилька истериковала прямо с утра, как только он сказал ей, что ехать ей придется не с ним, на персональном автомобиле с шофером и понтами, а вместе со всеми, на автобусе. И добираться самой, ножками, ножками... Какое-то неприятное чувство по отношению к пассии царапнуло Яна. Ишь ты, королева... Как быстро привыкла к хорошему, как махом научилась выпрашивать подарки! Голубую норку, роскошную шубку, он подарил ей немного раньше, но о ней она толковала едва ли не с октября месяца, всячески намекая, как к лицу ей будет светлый блестящий мех.
 С собой в качестве неожиданного сюрприза Ян вез две коробочки (все-таки явиться совсем без подарка на Новый год было бы неприлично). Одну с серебряными украшениями, с цепочкой и подвеской из крупного голубого топаза. Прозрачный камень был словно скусно ограненный лепесток застывшего пламени в изящной оправе... Лилька начала зудеть и намекать, что хотела бы "что-нибудь, что подошло бы к ее глазам и к голубому меху". Ян поморщился, понимая, что по сути его подарок даже сюрпризом не будет. Лилька сама его выбрала, рассмотрела со всех сторон, даже знает сколько он стоит и сколько карат камень, черт... Ян лишь выступил в роли кошелька.
 Вторая коробочка была с маскарадной маской. Эксклюзив. Ручная работа. Штучный экземпляр. Черная бархатная полумаска с блестяшками, со страусовыми перьями. Тоже ее выбор. Позавчера ее рассматривал весь отдел программистов, где Лилька хныкала, что ей такая "прелесть" не по карману, а так хочется...
 Черт знает, зачем Ян позвонил в этот магазин и купил ее. Черт знает зачем он все это делал. Наверное, и правда влюбился? Наедине с ним Лилька становилась совсем другой. Не озорной и не бессовестной. Она смотрела в его глаза так кротко и восторженно, что кровь закипала, и его имя звучало в ее устах музыкально - Ян, Ян...
 Но сегодняшняя истерика была каким-то странным, отрезвляющим откровением. Он словно проснулся, как будто вышел из оцепенения, и реальность показала ему вульгарной, отталкивающей, а Лилька - жадной и расчетливой, этакой хладнокровной... кладоискательницей, хм. Вот и орет, боясь потерять свой "кошелек"... Нет, не думать, не думать об этом! Ян понимал, что сам себя накручивает, позволяет раздражению вылиться в совершенно определенном русле, и это, скорее всего, приведет к ссоре, а может, и к разрыву, и он потом пожалеет о том, что был несдержан... но пожалеет ли?..
 И ведь вроде неглупая же девочка, все прекрасно понимает. Ну, какие любовницы, какие интрижки? Когда, мать твою, если все время на виду, вместе?! Никогда не было у нее такого, ни упреков, ни слов, ни сгоряча выдвинутых обвинений, а тут ее словно подменили. Как с цепи сорвалась. То ли не доверяла, действительно думала, что у него другая - уж больно внезапно он объявил о внезапно нарисовавшихся делах, - то ли ломала роль, изображая впавшую в уныние влюбленную. От этой мысли Ян морщился как от зубной боли, устало потирал сведенные на переносице темные брови, и напиться со злости хотелось все больше.
 Лилька в постели оказалась... скажем так, далеко не тем праздником, на какой он рассчитывал. В первое свидание вела себя скованно, словно девственница, и это было даже пикантно и романтично. Он почувствовал себя

сильным и всемогущим, этаким повелителем рядом с ней - отдавшейся в его руки беззащитной девушкой. Тогда это выглядело трогательно, она напоминала испуганного олененка, такая доверчивая, глядящая на него огромными глазами, и тогда резких движений не хотелось. Хотелось растечься от умиления лужицей, хотелось дарить только нежность и чувственную ласку. Долго целовать. Любоваться. Прикасаться только осторожно, бережно.
 Но потом оказалось, что эти большие доверчивые глаза, эти тихие нежные ненатуральные вздохи, романтическая поза - это все, во что умеет играть такая озорная и, казалось бы, отчаянная Лилька. Глядя на ее запрокинутое лицо с ровными ниточками бровей, с ярко накрашенным ротиком, похожим на спелую вишенку, который в момент экстаза округлялся, превращаясь в подобие маленькой и очень аккуратной буковки «о», Ян чувствовал себя словно в кукольном домике. Отвратительно. Пластмассово. Ни криков, ни страсти. Все красиво, неторопливо, томно и... не по-настоящему, что ли. Лилька была как принцесса, которую поставить на колени кверху задом и зверски отодрать просто... неловко. И Ян не мог понять, играет ли она эту роль, или на самом деле такая - нежная и ранимая девушка, которая ждет от любви только романтики... Или она просто боится лишний раз показаться некрасивой, растрепанной от страсти, жадной, похотливой? Боится признаться в своих желаниях, попросить об эксперименте, сменить позу? Стесняется? Да сколько уже можно стесняться?
 Да и вообще - а кончает ли она, или только имитирует, красиво, чересур красиво постанывая и выкрикивая его имя? Эту мысль Ян отодвигал на периферию сознания, но она ранившим осколком выкатывалась, больно покаявая память и приводя его в бешенство. Хуже не придумаешь, когда женщина под тобой имитирует. Да черт, черт!... Черт, ну хорошо, нет оргазма - так можно найти способ, можно что-то придумать, ведь никто не торопит, оба взрослые разумные люди, без предрассудков и комплексов!
 От ледяного шампанского зубы ломило, горло тотчас сковало болью, но Ян упрямо хлебнул еще раз, сознавая, что завтра наверняка будет простужен и едва ли сможет говорить громче чем шепотом.
 - Толя, останови-ка, - увидев промелькнувшую за стеклом яркую вывеску, велел Ян и шофер совершенно неприлично хмыкнул. - Куплю еще подарок...
 Холодный ветер дохнул в открытую дверь, но Яну было душно и он не стал запахивать растянутое пальто. То ли алкоголь, мгновенно всосавшись в кровь, его подначил, то ли озорство и упрямство, но, веля продавщице упаковать небольшую вещицу в подарочную упаковку, он думал почти с остервенением - или я сегодня трахну ее по-человечески, или пусть все катится к черту...
 К пансионату подъехали уже затемно. Шел густой снег, было невероятно тепло и стояла потрясающая, прекрасная тишина - такая бывает лишь за гордом, вдали от трасс и машин. Фонари белыми шарами горели под мягкой белой пеленой, Ян даже подумывал - а не отпустить ли шофера прямо сейчас? Прогуляться по аллее, выкурить сигарету, остыть и подумать...
 - Толя, наши где обосновались?
 - Да вот тут, это крыло наше, - ответил водитель, кивнув на освещенные окна, неярко светящиеся за густой пеленой снега.
 - Пятьсот третий это?
 - Пятый этаж значит, - угодливо подсказал водитель.
 Автомобиль неспешно подкатил к подъезду, Ян устало выдохнул. Вышел, забрав с собой подарочные блестящие пакеты. В кармане снова завозился, вибрируя, мобильник, Ян нехотя вытащил его, нажал на экран, включая связь.
 - Да, - на автомате произнес Ян совершенно безликим, серым голосом, неторопливо поднимаясь по ступеням.
 - Милый, я жду тебя, - промурлыкала Лилька в трубку. Похоже, сменила гнев на милость, размышлял Ян. Но, кажется, ему было уже все равно. Еще раз захотелось остановиться, закурить, вернуть водителя и... пересекая залитый светом холл и нажимая кнопку лифта, подумал, что будь он чуточку менее уставшим, так бы и сделал. В голосе любовницы слышались те самые гламурные нотки, которые он терпеть не мог; она говорила теми самыми интонациями, которые обещают много, но предвещают только классическую позу и застенчивое "Нет-нет, только так! Не надо иначе, я не могу!"
 - Скоро буду, - устало по инерции ответил Ян, ослабляя узел галстука. - Еду.
 "Еду" вместо "иду". Черт, может, действительно развернуться и махнуть обратно в город? В

клуб, в ресторан, куда угодно? Алкоголь выветрился, оставив после себя вместо озорства и дерзких планов тяжелое равнодушие. Еще не поздно. Уехать, отключив мобильный, и реально оторваться.
 У лифта, несмотря на поздний час, было еще несколько человек. Ян вместе с ними зашел, нажал на нужный ему этаж и оглядел полусонные лица. Вместе с ним, почти последняя, в лифт вползла бабка, шаркая стоптанной обувью и недобро погладывая на Яна, от одежды которого веяло холодом а на плечах, на черной ткани пальто таял снег, превращаясь в мелкие блетящие капли.
 - Вам куда, выше?
 Пожилая худощавая женщина неприветливо глянула на Яна своими глубоко посаженными глазами, сжала и без того тонкие, сухие губы, словно он ее чем-то обидел, но промолчала, ничего не сказала. Ян не заметил, в какую кнопку она ткнула - старуха словно нарочно сделала это слишком быстро, как будто не желая ему отвечать из какого-то непонятого принципа.
 Двери кабины лифта бесшумно акрылись, на их матовой металлической поверхности Ян увидел свое распывчатое отражение - высокая черная фигура, поднятый воротник, бликующие остроносые ботинки. Бабка косилась на него все с той же неприязнью, и Ян усмехнулся, думая, что она, наверное, она в его руках представляет остро наточенную косу.
 Лифт остановился, двери его так же бесшумно разошлись, и бабка, недобро зыркнув в последний раз на Яна, шустро выскочила в коридор. Буквально тотчас погас свет, люди в лифте испуганно загомонили, и Ян поспешил выйти в коридор, чтобы, не дай бог, не остаться запертым в кабине.
 - Ну просто все против меня... Черт, что за безобразие?! Это когда исправят?! Я свой ужин получу?!
 - Спросите на рецепшене...
 - К черту идите.
 Замерцали экраны мобильных в попытке разогнать темноту.
 - Это какой этаж? Женщина, вы какой этаж нажимали?
 - Третий как будто.
 - Выше подниматься надо по лестнице. Где лестница?!
 - Там, налево... Идемте, покажу...
 Кипя от злости, Ян вместе с другими пошел к лестнице. В потемках кое-как он поднялся на два этажа выше. В коридоре было абсолютно темно и тихо, даже фонари на улице погасли, в окнах в конце коридора была такая же беспросветная мгла. Подсвечивая себе телефоном, чертыхаясь, он с трудом нашел двери, бликанула цифра "3", изящно вырезанная из какого-то сплава.
 - Да неужели...
 Под дверями, обняв сумку, совершенно празднично и радостно храпело какое-то вусмерть пьяное тело, дыша перегаром. Ян, брезгливо переступив через спящего, даже не попытался рассмотреть его лицо. Лучше не знать, кто из сотрудников так напивается, иначе тот вылетит в мгновение ока просто потому, что попал под горячую руку начальству.
 - Лиля? Лиля, я приехал.
 Дверь была не заперта на ключ, словно Лилька нарочно оставила ее открытой, поджидая Яна, и открылась при простом повороте ручки. В номере стояла такая же темнота, как и во всем отеле, а вот тишина... Торопливо разуваясь, подсвечивая себе телефоном, выхватывающим небольшим пятном света из темноты то яркие красные лилькины сапожки, аккуратно поставленные на полку для обуви, то ее шубку с меховым воротником, Ян вслушивался в какие-то подозрительные охи, частое хриплое дыхание, приглушенное неплотно запертой дверью в ванную комнату... Мобильник выпал из его пальцев и погас, потерялся, Ян тихо ругнулся, ступая, стараясь не спугнуть... кого?
 В ванной лилась вода, из-за прикрытой двери отчетливее слышались вздохи, хриплые откровенные стоны. Ян кинул подарочные пакеты на постель, расстегнул металлический браслет часов, по привычке опустил их в карман. Один сверток - тот самый, заветный, - положил на край прикроватной тумбочки, потрясенно слушая женский дрожащий голос, стонущий так откровенно, развратно и сладко.
 - Ждала меня, говоришь? Готовилась?
 Он прокрался к дверям, стараясь ступать неслышно, приоткрыл их.
 Стоны, откровенные охи усилились и Ян, слушая, как вода разбивается о тело откровенно ласкающей себя женщины, почувствовал, как в висках его шумит кровь, одурманивая, заводя, заводя до дрожи в пальцах, до стояка - до боли, до почти предоргазменного возбуждения.
 - Вот же черт... так вот что тебя заводит?!
 - Да, да, да, - взхлеб шептала она, а потом ее голос срывался, она заходила в столах, беспо-

мощных, откровенных, и горячая возня в темной ванной только усиливалась...
 - Ах ты, развратная девчонка!..

4. Двое

Ян донес дрожащую девушку до постели, оустил ее влажное тело в шуршащие простыни, навалился сверху, прижался, с удовольствием ощущая ее под собой. Ее живую дрожь, нетерпеливые движения, объятья, льнувшее к нему тело. Целуя ее подрагивающие губы, ощущая ее теплые ладони на своих плечах, он голову терял от ее податливости, от того, с каким жаром, с какой готовностью она отвечала ему, лаская язычком его язык. Что такое нашло сегодня на Лилу?! Отчего она, такая зажатая и скованная, вдруг без слов покорила его, доверилась в этой возбуждающей бесстыдной игре?! Чего ждала? Или, может, так нужно было - не спрашивая и не слушая ее капризных "нет!"?

- У меня много подарков для тебя, девочка моя... Эти завтра посмотришь, а сейчас... - Потом, потом подарки! - ее горячие руки обвились его шею, она снова приникла к его губам, поцеловала, посасывая его язык так, что он напрягся, переживая оглушительное возбуждение, до изнеможения, до стоны.

- Что же ты творишь... Даже на миг оторваться от ее губ было невозможно. Девушка словно с ума сошла, обвила его руками и ногами и целовала, целовала - да так, что он сам начинал дрожать и постанывать, уже не в состоянии сдерживаться. Сокровенная, потаенная интимная игра, так покорно и смело разделенная ею на двоих, подействовала на Яна просто как бомба. Возбуждение и откровенное удовольствие, криками вырывающееся из груди девушки, завело его не на шутку - намного сильнее, чем завели бы просто ласки. В этом было что-то немного дикое, первобытное, насильное и покоряющееся, стыдливое и бесстыдное одновременно.

- У меня для тебя тоже есть подарок, - шепнула она горячо и развратно. Он ощутил ее ладонь на своем животе, ласкающую, поглаживающую откровенно и неторопливо, все ниже и ниже, острые ноготки провели полосу до самого паха, отчего живот налился приятной тяжестью, кровь запульсировала в возбужденном члене. Маленькая ладонь легла на головку его подрагивающего члена, тонкие пальчики потербели ее, чуть поглаживая, и Ян сжался, чувствуя, что горячее возбуждение накрывает его с головой.

- Что ж ты творишь... В мгновение ока он оказался лежащим на спине, а девушка, оседлав его, прижималась к его паху низом живота, горячим раскрытым лоном, и двигалась, ласкаясь о его напряженный член, так неторопливо и мучительно, что хотелось снова повалить ее, ухватив за бедра, и войти в ее тело одним толчком, взять ее тотчас, жестко, грубо, трахнуть не думая ни о чем, кроме своего удовольствия.

- Что ты задумала? Молча соскользнув с него, девушка склонилась над его телом, и Ян ощутил мягкий поцелуй на своей груди... потом еще, еще и еще, все ниже, ниже и ниже, по вздрагивающему от каждого теплого мягкого прикосновения ее губ животу. Да неужели?! Ее рука мягко сжала его член, губы чуть коснулись горячей головки, целуя, а язычок чуть лизнул влажную поверхность.

- Ох ты ж!.. Девушка вздохнула глубже, ее губы скользнули по головке члена, поглаживая ее, язык чувствительно пощекотал уздечку, рука двинулась, лаская, и Ян откинулся назад, несмело прикасаясь кончиками пальцев к плечу девушки, словно боясь испугнуть, словно опасаясь, что она передумает.

Но она не хотела останавливаться; казалось, покорность мужчины забавляет ее, она ласкала его, увеличивая темп, сжимая губы на чувствительной головке, и он не вынес, начал несмело двигаться навстречу ее горячему языку, забывшись в удовольствии. Его ладонь легла на ее затылок, пальцы собрали рассыпающиеся влажные волосы, чтобы они не падали на лицо и не мешали, он приподнялся, чтобы посмотреть, понаблюдать за плавными движениями, дававшими ему столько удовольствия, но ничего не было видно в темное. А ее маленькая ручка, жадно скользнувшая по его напряженному бедру, вверх, по животу и груди, принудила лечь его, и он со стоном откинулся на подушки, закрыв глаза, покоряясь жаркой ласке. Ее губы скользили по его члену, сжимая, девушка принимала его все полнее, все глубже, и каждый раз он замирал, чувствуя сокращения ее горлышка.

В темноте он слышал, как она посмеивается, выпустив его член из рта и лишь чуть касаясь языком, поддразнивая.

- Ах, вот ты

как... вздумала поиграть?!
 Подминая под себя ее податливое влажное тело, прижимаясь к ее горячему лону возбужденным жестким членом, он вздрагивал, стараясь успокоиться, не то развязка была бы слишком быстра. Но девушка словно с ума сошла. Она ласкалась, постанывая от нетерпения, выпрашивая ласки.
 - Да ты с ума меня сейчас сведешь, - шепал он, на миг отрываясь от ее горячих губ. - Что на тебя нашло?!
 - Хочу тебя, - шептала она, со страстью прижимаясь к нему всем телом, животом, обнимая его ногами, с нетерпением цапая коготками напряженную спину. - Возьми... возьми меня!
 - Прекрати, - со смехом хрипнул он своим простуженным горлом. - Не то я оттрахаю тебя как...
 - Оттрахай!
 - Ну нет, так просто ты не отделаешься!
 Хотелось оттрахать эту девчонку, которая так долго мучила его, до изнеможения, до состояния, когда она и двигаться не сможет. Хотелось ласкать каждую ее дырочку, чтоб потом неделю сидеть ровно не могла, хотелось чувствовать жадную пульсацию ее горячего нутра, когда она снова и снова будет биться в экстазе, и неважно, что будет у нее внутри - его пальцы или член. Считать сладкие спазмы ее пресыщенного ласками лона, брать ее снова и снова, пока пощады не попросит...
 Он рывком поднялся, ухватил ее за талию и перевернул на живот. Нарочито грубо заставил ее встать на колени, шлепнул по ягодиче так, что девушка вскрикнула.
 - Хочешь сделать мне такой подарок на Новый год? - хрипило проговорил он, проводя ладонями по ее ягодичам, глядя с удовольствием, лаская такое доступное и желанное тело. - Будешь послушной девочкой?
 В темноте раздался негромкий жужжащий звук, что-то маленькие, вибрирующее коснулось ее горячей кожи и Саша вздрогнула, чувствуя, как эта вещичка неторопливо рисует на ее коже полосу, спускаясь по ложбинке меж ягодич ниже и ниже.
 - Что это такое, - только и успела произнести она, приподнявшись, чувствуя, как вибрация зажигает острое покалывание в каждом нерве. Мужчина за ее спиной хрипло усмехнулся, его ладонь легла на ее спину, принудив снова опустить голову на постель, а его пальцы с зажатой в них вибрирующей игрушкой скользнули меж ее ягодич, вкрадчиво пощекотав сжавшееся колечко ануса, слегка проникая внутрь, совсем неглубоко, но этого было достаточно, чтобы от обжигающего чувствительного удовольствия она засучила ногами, стыдливо закрутила задом.
 - Ой, - пискнула девушка, выгибая спину и сжимая бедра, когда вибрирующая вещичка начала рисовать набухающую острым наслаждением полосу от сжавшегося ануса до клитора, дразня припухшие губы. Ей показалось, что каждый ее нерв разгорается жжением, которое разливается по телу, заставляя пульсировать горячее желание в ее животе. Мужчина почти насильно развел снова ее ноги, его пальцы скользнули в ее мокрое от желания лоно, то погружаясь в него, то почти выскальзывая, и вибрирующая вещичка теперь тревожила девушку изнутри, проводя горящую наслаждением полосу внутри ее тела, невыносимо щекоча чувствительный вход.
 - Зачем это?! - извиваясь, простонала девушка, терзая руками простыни. Она то и дело выгибала спину, пытаясь закрыться, спрятаться от проникающих в нее пальцев, от нестерпимого удовольствия, но его ладонь, нажимающая на ее выгнувшуюся, дрожащую спину принуждала ее снова опуститься, прогнуть поясницу, раскрыться для его ласк, и девушка, вся дрожа, заходила в столах, кусая и терзая простыни, когда пальцы его растягивали ее, неторопливо и мягко покачиваясь из стороны в сторону.
 - Мне показалось, тебе недостает острых ощущений.
 - Хватит, хватит! - закричала она, когда его пальцы с зажатой меж ними вибрирующей вещичкой коварно выскользнули из ее пульсирующего, налившегося тяжелый горячим возбуждением лона и провели по ее набухшему клитору, слишком чувствительному после игры в ванной.
 - О, как ты кричишь... Слушал бы и слушал. Хочу чтоб ты кричала всю ночь. Кончишь для меня еще разок?
 Мужчина навалился всем телом на девушку, крепче обнял ее за талию. Теперь она не могла сдвинуть ноги даже если б попыталась это сделать, его вес удерживал ее в одном положении. Его пальцы стали настойчивее, и ее голос рассыпался в жалких задыхающихся столах. Каждое прикосновение раскаленными иглами пронзало ее нервы, удовольствие было слишком острым, настолько, что девушка зажалась так, что головка члена, проникающая в нее, почти причинила ей боль. Муж-

чина подался вперед бедрами, нажимая головкой члена на сжавшийся вход в тело девушки, продолжая ласкать ее клитор, отчего девушка напрягалась, постанывая и дрожа, и первое проникновение было чувствительно для обоих несмотря на то, что от возбуждения девушка была абсолютно мокрой, текла, запах ее возбуждения витал в воздухе и тревожил, распалял еще сильнее. Оставив игрушку, встав удобнее на колени, он любовно обнял ладонями подрагивающие ягодички девушки, поглаживая горячую кожу, большими пальцами скользя меж ее разведенных ног, поглаживая припухшие от возбуждения мокрые половые губы, между которыми медленно двигался его член.
 - Какая ты узкая, - простонал он, остановившись на миг, а затем продолжив движения, мелкими толчками проникая все глубже и глубже с каждым разом.
 От ощущения в себе движущегося члена девушка обомлела, ее ягодички на миг расслабились и мужчина, поглаживая ее, почувствовал, как она оседает, прижимается к его паху, осторожно надеваясь на его член, принимая его полностью с удовлетворенным долгим вздохом, который она тщательно пыталась скрыть.
 - О-о-о, - простонала девушка, чуть покачивая бедрами, двигаясь, извиваясь под его руками, вся дрожа под его телом. - О господи, как хорошо...
 Это откровенное наслаждение было искреннее, простое, не кукольно-красивое, а настоящее, эти стоны, вздохи, всхливы хотелось слушать и слушать. Именно они распаляли страсть и заставляли ласкать ее податливое тело снова и снова. Мужчина подхватил девушку под мягкий животик, сильным толчком крепко вжался в ее бедра, проник в трепещущую глубину, замирая на миг, наслаждаясь покорностью девушки, ее беззащитной слабостью и удовольствием, с которыми она принимала его. Никакого притворства, никакого сопротивления и кукольной стыдливости. Никаких барьеров. Абсолютная свобода.
 - Говоришь, можно оттрахать тебя как следует? И не будешь говорить - "нет, так не хочу!"? - шепнул он, жесткими толчками вколачиваясь в ее сжавшееся лоно. - Как следует?
 - Да, да, - шептала она, - делай, что хочешь... ай!
 Его сильные пальцы крепко обхватили ее бедра, он толкнулся еще и еще - быстро, жестко, на грани боли, - пронзая тело девушки острым удовольствием. Она постанывала, горячо и часто дыша, ее кожа стала мокрой от проступившего пота, поясница выгибалась, девушка двигалась навстречу мужчине, отчего его толчки казались еще сильнее.
 - Скажи, что тебе нравится, - хрипло велел он, толкаясь в ее тело яростно. Влажные тела соприкасались с бессовестными шлепками, девушка поскуливала, обмирая под его руками, и он чувствовал, как она сжимается в предоргазменных спазмах. - Я хочу слышать... я хочу это знать, черт! Тебя! Подери!
 - Да, да, да! - выкрикнула девушка, выгибая спину и замирая, принимая последние толчки, после которых горячее удовольствие накатило на нее и она забилась в его руках, чувствуя, как он кончает со стоном, вжавшись до боли в ее тело.

5. Потерянная ночная сказка

За окном было все так же темно когда уставшие любовники, обнявшись, устроились на отдых. Ян, прикрыв уставшие глаза, долго целовал ее чуть припухшие, горячие губы, девушка смеялась в темноте, ее ладони обнимали его, она прикинула к нему, прижималась крепко-крепко, замирая как ребенок, и казалось, даже дышать переставала от переполняющего ее восторга. Именно эти наивность и чистота - да, странно, но даже после всего произошедшего в этой комнате Ян думал, что именно сейчас, ласкаясь к нему, девушка очень чиста, - нравились ему, и он обнимал ее, прижимая сильнее к груди, ласково поглаживая ее гибкую спинку.
Так она и уснула - в несколько минут, - доверчиво прижавшись щекой к его груди, обхватив его рукой и сладко сопя. Ян тоже задремал, но какой-то стук, хорошо слышимый в абсолютной тишине, вырвал его из полудремы. Как будто кто-то в дверь стучал? Ян приподнялся, прислушиваясь. Нет, все было тихо. Но сон как рукой сняло - несмотря на дневную усталость и простуду, - и зверски захотелось курить. Чертыхаясь, Ян вспомнил, что его сигареты остались в ящике стола, в офисе. Придется искать здесь.
Осторожно высвободившись из рук спящей девушки, он поцеловал ее в плечо, логонько, чтобы не разбудить. Она тихонько хихикнула во сне, нашла его руку, притянула к себе и поцеловала - сначала в ладонь, потом пальцы, прихватив на миг горячими губами, чуть коснувшись языком, - и снова уснула, засопела глубоко. Этот невинный и одновременно очень эротичный жест тронул его сердце, заставив ощутить всеобъемлющую нежность, от которой в глазах предательски защипало. Лилька, какая же ты еще маленькая невинная девочка!..
Свет так и не дали. В темноте Ян с трудом отыскивал свою одежду - половина была влажной, потому что он оставил ее в ванной, - у полки с обувью отыскивал оброненный телефон. Подсвечивая себе, обулся, накинул пальто. Кажется, в машине были сигареты в бардачке. Ночью беспокоить шефера не хотелось, Ян рассчитывал их сам найти, поэтому звонить не стал.
За дверями все еще спало, сладко храпя, пьяное тело, и Ян, переступив через него, недобро выругался. Наверное, этот храпящий идиот ворочался во сне и задел двери ногами, этим стуком разудив Яна. Если б не этот пьяный осел, был шанс спокойно проспать до утра.
- Уважаемый, - склонившись над дышащим перегаром человеком, громко произнес Ян, крепко встряхивая его за плечо. - Вы не могли бы найти более подходящее место для сна?
- А? Что? - забормотал пьяный, кое-как поднимая голову со своей сумки.
- Говорю - идите спать в свой номер, нечего валяться на дороге!
Кое-как добравшись до лестницы, Ян начал спускаться, подсвечивая себе телефоном. Все вчерашние сомнения, раздражение, злость растворили в страсти сегодняшней ночи и думать теперь хотелось только о хорошем. Не думалось о плохом, совсем. Стоило ему вспомнить о подрагивающих губах, которые он целовал, подумать о любовно поглаживающих его напряженную спину ладонях, о ногах девушки, несмело обнимающих его бедра, как он заводился с полоборота. Захотелось даже вернуться, никуда не ходить, разбудить девушку и продолжить исследовать ее тело. Пощекотать ее соски, прижаться лицом к животику, слушая бьющийся под кожей пульс..
Свет вспыхнул, ослепив Яна, и мужчина зажмурил глаза, недовольно ворча.
- Ну, слава Богу..
По лестнице спускаться не хотелось, поэтому он открыл двери на этаж и прошел к лифту. В ранний час никого не было, и он, нажимая на кнопку первого этажа, усмехнулся, припоминая старуху, недобро косящуюся на него.
В кармане снова завозился, вибрируя, мобильник, и Ян, не глядя, поднес трубку к уху.
- Слушаю, - хрипло произнес он.
От вопля он едва не оглох, сонливость и расслабленность с него как рукой сняло.
- Я, - со слезами, в абсолютной истерике, орала Лилька. - ждала тебя всю ночь! Всю! Ночь! Пятнадцать неотвеченных вызовов! Пятнадцать! Толя с вечера у себя в номере, он привез тебя еще вчера! Где! Ты! Был?!
Лифт раскрылся и ошарашенный Ян сделал шаг вперед, в залитый светом холл, покидая пустую кабину. Его рука, сжимающая телефон, подрагивала, а в мозгу, словно

пламенем охваченном, всплывало понимание - нет, это невероятно, невозможно! - того, что он провел ночь с другой женщиной. Он. Провел. Ночь. С другой. Женщиной. Зажегшийся электрический свет заливал все кругом, слепил Яна, и он чувствовал себя вырванным из нежной ночной сказки, так, словно вообще попал сюда из другого мира. Он обернулся и за своей спиной увидел закрывающиеся двери лифта, за которыми осталось все - страсть, нежные поцелуи, желание, обожающая его любимая женщина... Все. Конец. Точка. Ночью он был с другой женщиной. Не с Лилей. С другой, совершенно посторонней молодой женщиной, черт ее дери! Лилька что-то еще кричала, но смысл слов не доходил до Яна, он в ужасе запустил руку в волосы, растрепав их и взъерошив, совершенно не понимая, что ему теперь с этим делать, и надо ли делать вообще... Глядя на лифт, доставивший его сюда, он понял, что сейчас даже не найдет тот номер, в котором провел ночь. - В лифте застрял, - хрипнул он, прерывая нескончаемый поток брани Лильки. - Мы приехали как раз перед тем, как свет выключили. Лилька замолкла, Ян тоже молчал, все еще не отойдя от потрясения. В мозгу его картинка складывалась, и то, что раньше немного удивляло его или казалось незнакомым, теперь становилось понятным. Тело незнакомой девушки показалось ему изящнее и легче, чем Лилия, волосы - хоть и мокрые, и в темноте - длинее и темнее. И, главное, ее горячность, страсть, ее неистовое желание, с которым она отдавалась ему! Смешно даже думать теперь, что пластмассовая куколка-Лилька с такой же охотой и готовностью расставила бы перед ним ноги и так же безумно, сладко, головокружительно и самозабвенно стала бы его целовать, прикусывая в страсти его губы, ногой спихнув подарки с постели на пол! От воспоминаний о быющем под его ладонями теле Ян ощутил возбуждение, закашлялся, потому что Лилька все еще бубнила ему что-то в ухо, а он не мог думать ни о чем, кроме оставленных в комнате незнакомки подарков - и небольшого вибратора в том числе. Пикантная подробность интимной связи с посторонней женщиной. Но, кажется, она осталась довольна?.. Вот же черт!.. - Сейчас буду, - резко рявкнул Ян в трубку и дал отбой. Вот же черт!!! Вот почему она тоже ничего не заподозрила - она ждала своего парня, то сопящее под дверями тело, сообразил Ян. Готовилась к романтическому вечеру, приняла ванную, хм... Голос не опознала как чужой потому что он простыл и хрипел, это и дураку было ясно. Черт, даже жаль, что такая девушка досталась этому пьяному животному... Ну, это понятно, а он-то хорош! Почему вообще решил, что пришел точно по адресу? Ян припомнил танцующий луч света на глянцевой алой коже, полку для обуви и меховой ворот на знакомой шубке. Лилькины вещи. Ее сапожки, ее шубка на вешалке. Он мог поклясться в том, что это были ее вещи. Один взгляд на них, и он ощутил себя дома - так привычно, знакомо и ожидаемо они выглядели. Вот почему. - Так-так, - протянул Ян, нервно посмеиваясь. - Вот же черт... Надо же было догадаться, что Лилия поедет красоваться в своей новой шубе... Значит, вещи она могла отдать, подарить, дать на время... Новая догадка пожаром вспыхнула в мозгу Яна, адреналин заставил сердце колотиться чуть ли не вдвое быстрее. Подруге. Коллеге. Их общей коллеге она их отдала - черт, вот это поворот! Ян понял, что сегодняшнюю ночь провел с одной из своих подчиненных, и даже не знает, с которой из них! Черт! Он снова оглянулся на лифт, словно тот был порталом в иное измерение, и понял, что не знает точно даже, на каком этаже он был. Четвертый? Третий? Шестой? Или все же пятый, но просто номером ошибся? Лилька покричит и уймется. Кажется, она уже поверила, что он ночь провел в лифте. Не поверила - да и черт с ней. В любом случае, это сейчас волновало Яна меньше всего. Пересекая холл, он решил зайти в местный ресторан, выпить чашку кофе, привести в порядок мысли и хоть как-то успокоиться. Потрясение - да что там, глубокий шок, - просто вытряхнул его из сна, в памяти все снова и снова всплывали особо пикантные моменты этой странной и страстной ночи, и Ян вспыхивал, ощущая приливающую к паху кровь и понимая всю абсурдность и невозможность этой ситуации. А вот его нечаянная любовница? Что будет с ней? Пригубив чашку кофе и закуривая, наконец, первую утреннюю сигарету, Ян сощурился от горького дыма, вспоминая

движения шелковистых нежных бедер под своими ладонями. Что этот спящий под дверями пьяница сделает своей пассивности, когда поймет, что ночью в его постели кто-то неплохо провел время с его подружкой? Черт, и подарки... Яну не было их жаль; самым краешком своих бесовских мыслей он даже представлял себе, что неплохо было бы самому надеть на шейку этой незнакомке серебряную побрякушку, опустить на ее лицо бархатную маску и поиграть с ней еще в какие-нибудь игры, столь же интересные и увлекательные. Но спящий в коридоре парень не мог не понять, что эти вещи не он дарил. Девушка сама ему скажет, поблагодарит за подарки с утра, он удивится, всплывут подробности ночи, и тогда...
 Черт! Ян тряхнул головой, прогоняя горячие, бесовские мысли о незнакомке, так упорно лезущие в голову. Похоже, она завела его не на шутку... А надо бы думать не о том, как они могли бы покувыркаться еще, а о том, чем ей может грозить их нечаянная связь.
 Есть три пути узнать, кто эта девушка, думал Ян уже хладнокровнее, докуривая сигарету и туша ее в пепельнице. Первый - это дожидаться скандала, как ни прискорбно. Жаль, если события пойдут по этому пути. Но, вероятно, он как-то сможет защитить девушку от нападков ее бой-френда? Нечего было напиваться и засыпать на коврике...
 Второй путь - если все будет тихо, - аккуратно узнать у Лильки, кому она одолжила свои вещи. Просто спросить. Или понаблюдать за коллегами, сапожки-то приметные, красные.
 А третий... Ян усмехнулся, пригубив чашку с кофе и щуря глаза, в которых снова разгоралось желание. Третий, самый невероятный, невозможный, как и сегодняшняя его ошибка - это тот, в случае которого спящий под дверями парень не устроит сцену своей пассивности. И ничего вообще не поймет. И она явится на корпоратив, - от этой мысли Ян даже поморщился, переживая, когда вспыхнувшее возбуждение остынет, покинет его, так заводила эта мысль, - в его подарках.
 Интересно, наденет или нет? Черт с ней, с побрякушкой - вещь маленькая, не разглядеть, - а вот маска - вещь приметная.
 - Если бы ты ее надела, - пробормотал Ян с улыбкой, допивая свой кофе, и улыбаясь своим мыслям, - я бы узнал тебя... вот тут бы и познакомились...
 Вспоминая снова и снова ее нежные стоны, переходящие в резкие, отрывистые, хриплые, Ян все больше и больше забывал об ожидающей его Лиле, которая провела бессонную ночь, и все больше хотел узнать, что за девушка сегодня разделила с ним постель.

6. Невероятное вероятно

- Сашка, эта сволочь не ночевала дома! Сашка, ты представляешь?! Он где-то шляется! Нет, ты представляешь?!
Лилька в трубку то выла и сморкалась, как раненный мамонт, то заходила в истерическом хохоте, как доминирующая гиена, и Саша, примеряя перед зеркалом изящную вещицу, которую обнаружила в бархатной коробочке (а бархатную коробочку, в свою очередь, в подарочном пакете, который ночью свалился с постели), недовольно поморщила нос.
Ее утро, в отличие от лилькиного, началось прекрасно.
Мишка спал, как убитый, но после этой ночи к нему вопросов не было вообще. Он закопался под подушки, закатался в одеяло и при любой попытке к нему притронуться отвечал простуженным кашлем и недовольным мычанием. Но Саша все равно докопалась до его тела и куснула его в бок, играясь, заработав целую гневную тираду.
- Да дай поспать, - гневно ворчал он, снова закатываясь в одеяло, и она, смеясь, от него отстала.
Зато под кроватью обнаружились подарочные пакеты, и Саша, ахая от восторга, примерила и украшение, необыкновенно изящное, и маску, которая как нельзя лучше подошла бы к ее платьицу. Топаз, поблескивая на ее груди, был тон в тон с ее голубым глазом, Саша вертелась и так, и этак, рассматривая изящное украшение.
- И где же он был, - беззаботно спросила она у хнычущей Лильки, рассматривая себя в зеркало.
- А я знаю?! - орала Лилька. - Сказал, что застрял в лифте! Ночью свет отключали.
- Я зна-а-аю, - протянула Саша беспечно, чуть смеясь, и Лилька насторожилась, словно гончая, унюхавшая притаившегося зверя.
- А Мишка что? - быстро спросила она, и Саша захихикала, не в силах сдерживать восторг.
- Мишка, - сказала она голосом торжественным, как диктор на радио, - вчера мне устроил варфаломевскую ночь.
- Да ладно?! - ахнула Лилька, тотчас позабыв о своих горестях. - Что, что он делал?!
- Что он только ни делал! - ликуя, ответила Саша. - Но главное, Лилька... о ужас... что он ночью вытворял!
Саша прижала ладони к пылающим щекам и невольно сжала колени, словно снова ощутив движения члена между ног. Ей вспомнились жесткие пальцы, удерживающие ее бедра, толчки в ее теле, жесткие и сильные, и она присела на постель, пережидая мгновения возбуждения.
- Кто?! Мишка?!
- Мишка! - радостно подтвердила Саша. - Он знаешь какой?! С фантазией и без комплексов...
Лилька помолчала, переваривая информацию. В ее молчании было нечто, отчего Саша пожалела о сказанном и порадовалась, что не рассказала большего.
- Ну, вы даете, - грубо проговорила Лиля, наконец. - Вот же повезло тебе! А от этой сволочи пахло. Никакой фантазии, одни телки на уме.
- Чем пахло? - беззаботно ответила Саша. - Выпил, что ли?
- Ага, выпил и заел! - едко отозвалась Лиля. - Бабой от него пахло!
- Да не может быть!
- Еще как может! Парфюмом, знаешь, таким недорогим. Дешевым. Как будто, блин, с девятиклассницей спутался, у которой ни ума, ни вкуса, только титки и задница свежие!
- А ты что?!
- Ничего! Я что могу?! Он от меня вообще отмахнулся, пришел и завалился спать. Ни слова, ни вопроса - ничего! Устал, говорит.
- И что делать будешь?
Лилька заволновалась, засопела, как боевой носорог.
- Покорять, блин! - в трубке отчетливо было слышно шуршание какой-то упаковки, которую девушка, судя по всему, терзала ногтями. - Придется снова ему строить глазки, поддразнивать и вертеть задницей!
- Вот так просто простить ему измену?! - удивленно ахнула Саша. - Ну, то есть, если он и правда тебе изменил, ты на все закроешь глаза, и...
- Года идут, - сварливо напомнила Лилька. - Замуж за кого-то надо! Почему не за него? Такой же мужик, как и все! И кое в чем даже лучше! Ничего, бывает. Оступился, увлекся. Я сама виновата. Говорю же - мариновала его долго, перестаралась. Заскучал.
- Оступился?! - возмутилась Саша. - Ну, знаешь! Вы только начали встречаться, а он уже оступает! Потом что будет? Я б ни за что не простила!
- Посмотрела б я на тебя, если б твой Миша нелево пошел, - едко ответила Лилька. - Не простила бы? После сегодняшних подвигов? С фантазией, хм...
Саша

задумалась, поглаживая украшение на груди, припоминая нежные поцелуи в темноте, сильные руки, прижимающие ее к себе бережно, любовно ласкающие ее вздрагивающую спину. Вспомнила и свой поцелуй - в ладонь, в пальцы, которые доставили ей столько удовольствия. После этого разве возможно предать? После этой откровенной, искренней блаженной нежности? Она покачала головой. Тогда это предательство было бы в сто раз хуже. Значит, это все не настоящее.
 - Нет, не простила бы, - твердо ответила она Лильке, и та насмешливо фыркнула. - А ты что, так любишь его?.. Или он у тебя так, трофейная дичь?
 - Люблю, люблю, - сварливо ответила подруга. - Но голову над камином повешу. Значит, так: сегодня идем в бассейн. Ты со мной.
 - Зачем? - удивилась Саша, и Лилька снова засопела, выражая высшую степень возмущения от непонятливости подруги.
 - Я, - терпеливо пояснила она, - буду выгуливать новый купальник, - в трубке опять послышалось целофановое шуршание, - а ты со мной за компанию. Там одни мужики будут, мне одной неудобно. К тому же помнишь, я обещала тебя поближе познакомить с безопасником? Вот. Будет шанс.
 - А мне удобно?! - возмутилась Саша. - Да и ни к чему мне, кажется. Мы с Мишкой помирились, все, вроде, хорошо...
 - Это сейчас хорошо, - сварливо ответила Лилька. - А завтра вы вернетесь в город и твой фантазер снова попадет под всевидящее око своей маман. Она ему фантазии-то поубавит!
 - Ты теперь мне всю жизнь это вспоминать будешь?! Вот зачем рассказала!
 - Ой, да ладно. Я же любя. Я, может завидую?!
 - Молча завидуй!
 - Ой, какие мы стеснительные! Ладно, молчу. Надевай давай свой купальник и дуй к бассейну. Там поговорим.
 - Да не хочу я...
 - Ты меня бросаешь?! Ты?! Меня?! Бросаешь?! - картинно возмутилась Лилька. - Мне ни поплакаться в жилетку, ни поддержки, да?!
 - Лиль, ну что я там делать буду?!
 - То же, что и все - в бассейне барахтаться! Поговорим, на массаж сходим, да и вообще - поближе познакомишься с коллегами!
 - А Мишка?..
 - А что твой Мишка?
 - Ну он же спит.
 - Ну вот и пусть спит, сил набирается перед очередным марафоном. Не трогай его. Давай, собирайся!

 В парилку Лилька, само собой, не пошла - "а то лицо будет как помидор".
 И вообще, несмотря на то, что она явилась в бассейн, ее волосы были прибраны в замысловатую прическу, макияж - как обычно, - яркий и безупречный. В самой расслабленной и призывной позе она возлежала на шезлонге, словно на борту роскошной яхты на Лазурном берегу, и потягивала через соломинку минеральную воду без газа. Новый купальник цвета морской волны, откровенный, практически ничего толком не скрывающий, разумеется ей шел. Тонкие ниточки, на которых держались ее крохотные трусики, были затянуты чуточку больше, чем это было необходимо и впивались в кожу - ровно настолько, чтобы подчеркнуть аппетитность Лилькиных бедер и мягкость ее тела.
 Шезлонг рядом с ней пустовал, но на нем лежали какие-то вещи, полотенца, и Саша, нервно сглотнув, поняла, что Ян тоже тут, несмотря на размолвку между влюбленными.
 Украшение, которое Саша не сняла, Лилька оценила моментально, даже со своего шезлонга привстала, потянула руков блестящей вещице.
 - Ничего себе! - выдохнула она, поймав пальцами сверкающий камешек. - Это Мишка расстался?! Во дает! Знаешь, сколько это стоит?! Третью твоей заплаты точно!
 - Понятия не имею, сколько это стоит, - ответила Саша сварливо. - Там ни единого ценника не было. А твой где? - спросила Саша, кивнув на пустующее место.
 - В парилке, - нехотя ответила Лилька, аккуратно прихватывая соломинку губами. - Промерз вчера, простыл. Нагреются там и сюда придут. Да ты садись. Они не скоро еще. Безопасник тоже с ним.
 Хоть обстановка и была самая что ни есть непринужденная, Саша вдруг поняла, что сейчас все начальство явится сюда и ей придется с ним - с этим начальством, - общаться, отвечать на какие-то вопросы, которые Ян Павлович будет задавать своим замороженным голосом из вежливости. И смотреть он будет, - черт, только сейчас Саша всецело поняла, что начальник будет рассматривать ее практически голой, своими холодными строгими глазами! Сам по себе близкий контакт с начальством вещь не из приятных, а еще и в таком виде... Девушка чувствовала себя очень беззащитной и беспомощно, каким-то мелким винтиком, ненужной деталькой, непонятно как сюда попавшей. Как

неприятно-то...
 Испытывая мучительное стеснение, она отыскала на шезлонге простыню и замоталась в нее по самое горло, вызывая своими действиями смех у Лильки.
 - Ну, ты даешь, подруга! - произнесла она. - Выглядишь как римский патриций. Кто же так знакомится с мужчинами?!
 - Нафиг они мне не сдались, - ответила Саша сварливо, присаживаясь на краешек лилькиной лежанки. - Я здесь тебя поддержать. Будет этот твой безопасник клеиться - сбегу.
 - Да не бойся ты его, он же не маньяк какой, в самом деле! Никто не станет на тебя кидаться и покушаться на твое целомудрие, все люди приличные.
 - Ага, приличные, - съязвила Саша. - А кто мне плакался с утра, что один такой приличный человек всю ночь трахался с кем попало?!
 - Может, и правда в лифте застрял, - парировала Лилька. - Толя подтвердил, что они приехали как раз под отключение света.
 - Знаю я, в каких лифтах они застревают!
 Пока подруги препирались, расторопный паренек из обслуживающего персонала принес небольшой столик, тонкостенные бокалы, и налил в них холодного янтарного пива. Стекло тотчас запотело, капля стекла, прочертив блестящую дорожку.
 - Сейчас явится блудень мой, - проворчала Лилька. - Да не трясись ты так, здесь и сейчас он тебе не директор и о работе не станет с тобой говорить. Да и вообще вряд ли будет - хрипит как испорченный фагот. Еле разобрать, что он там бормочет. А к безопаснику присмотришься все-таки. Я серьезно.
 Двери парилки раскрылись, выпуская клубы тонкого белого пара, и двое мужчин вышли к бассейну, на ходу приглаживая волосы. Саша, глянув в их сторону, вспыхнула румянцем и неловко завозилась, поправляя на плече простыню. Мужчины после парилки, понятно, были обнажены, на них ничего не было кроме полотенец, обернутых вокруг бедер. Оба были высокими - "здоровые, как лоси", промелькнуло в голове у Саши, стыдливо рассматривающей мужчин украдкой, - разве что безопасник, которого Лилька так настойчиво сватала ей, был тяжелее, грузнее Яна и старше него на десяток лет. Лилькин Ян, лишенный одежды и офисного лоска был сложен прекрасно; одного взгляда на него было достаточно, чтобы Саша намотала себе на ус - да, этот самец вполне себе может загулять, и пассиву ему найти есбе не проблема.
 - Маленькая женщина и большой мужчина, - шепнула подлая Лилька, толкнув подругу локтем в бок, - это чертовски эротично, э?
 "Блин, как я согласилась-то припереться сюда! - думала Саша, сгорая от стыда. - Надо же думать было!"
 Однако, никто, кроме нее, как будто, волнения не испытывал. Генеральный вообще был словно не здесь; на его красивом, раскрасневшемся от жара лице было написано выражение задумчивости, он приглаживал и без того тщательно причесанные черные влажные волосы и поздоровался вежливо, но безразлично, лишь кивнув головой, опустившись на свое место и пригубив бокал с пивом.
 "Пижон", - подумала Саша отчего-то с неприязнью. Несмотря на то, что на обнаженной широкой груди мужчины поблескивала влага, а живот с темной дорожкой волос чуть заметно подрагивал от ударов учащенного после парилки пульса, генеральный выглядел так же отстраненно и строго, недоступно, словно не отдыхал после бани, а сидел в своем кресле за рабочим столом. Волосы его были причесаны и уложены на привычный манер, он был идеально выбрит, и воображение угодливо дорисовывало ему привычный костюм и авторучку в длинных красивых пальцах.
 Зато безопасник проявил живейший интерес к Саше.
 - Разноглазка, - бесцеремонно произнес он, опускаясь на плетеное кресло и рассматривая сашино смущенное лицо. - А что тихая такая? Давай знакомиться, что ли!
 Несмотря на его бестактное замечание, Саше он почему-то понравился. Наверное, потому что в его словах не было неловкости и напряженности, с которыми обычно люди подмечали ее особенность. От его веселого голоса даже очнулся от своих размышлений генеральный, в недоумении вздернул ровные черные брови, глянул Саше в глаза и неожиданно улыбнулся своей ослепительной улыбкой.
 - Как необычно, - произнес он, рассматривая Сашу. - Это так от природы или линзы?
 - Конечно, от природы, - немного грубовато ответила Саша, опустив взгляд. Смотреть в смеющиеся синие глаза генерального ей было неудобно. Может, оттого, что его вопрос показался ей хорошо замаскированным витиеватым комплиментом, а может оттого, что в его спокойных

глазах вдруг промелькнул интерес к ней, мужчина внимательнее глянул на девушку, рассматривая ее стройные ноги, прикрытые белой тканью - Саша отметила, как он оценивающе оглядел ее с головы до ног и снова улыбнулся. - Кто же такое сделает по своей воле?
 - Отчего нет, - просто ответил Ян, снова пригубив свой бокал. - Это необычно. Пикантно.
 - В школе за эту необычность дразнят светофором! - ехидно сказала Саша и Ян насмешливо фыркнул.
 - И что? - произнес он. - Пора б уже вырасти и не думать, что сказанное маленькими детьми в школе - правда. А красоту ничем не испортишь. Так что...
 В его слегка простуженном голосе сквозила неприкрытая ирония, ситуация, когда взрослая девушка до сих пор всерьез воспринимала школьные обиды его явно забавляла, и Саша снова вспыхнула, опустив взгляд, вдруг поняв, что он абсолютно прав.
 - А вот давайте, - внезапно смело ответила она безопаснику, дерзко подняв на его взгляд своих разноцветных глаз. - Меня Сашей зовут. Александр! Но для вас, так и быть, Разноглазка!
 Она церемонно подала ему руку и мужчина со смехом пожал ее тонкие пальцы, крепко встряхнув.
 - Андрей, - в тон ей ответил он. - Что будешь, Разноглазка - пиво, сок? Или тоже фигуру бережешь?
 - Берегу, - так же дерзко ответила Саша.
 Лильке эти ни о чемные разговоры были скучны. Картинно возведя очи горе, она оставила свой бокал и неторопливо поднялась, словно демонстрируя идеальную фигуру. Саша заметилка, как и безопасник, и Ян проводили ее заинтересованными взглядами, когда Лилька, неторопливо покачивая бедрами, прошла к бассейну и ступила в воду.
 - Ну, ты со мной? - капризно окликнула она Сашу, и та поспешно, слишком поспешно поскакала с места.
 - Сейчас!
 Саша поднялась, стащила простыню. Под оценивающими взглядами мужчин торопливо сложила ее, багровея до ушей и сдвдливо поджимая на ногах пальцы.
 - Иду!
 Как со своего места поднялся генеральный и как заступил ей дорогу, Саша не заметила, но, оставив свою простыню на шезлонге Лильки и обернувшись к бассейну, она чуть не натолкнулась на него, ее ладони уперлись в его горячее тело и она тихо ойкнула, отпрянув от мужчины, буквально сверлящего ее внимательным взглядом.
 - Какая интересная вещица...
 Саша впервые была так близко от Яна. Впервые стояла с ним вплотную, глядя глаза в глаза, и потому сейчас, когда деваться ей было некуда, рассмотрев его как следует, она почувствовала, как у нее быквально подкашиваются ноги под пристальным взглядом его пронзительных синих глаз.
 "Крас-сивый мужчина!" - словно наяву услышала она похвалу своей матери, которая еще б и руками всплеснула, и у Саши в животе заныло, словно у пятиклассницы, увидевшей вживую своего кумира - смазливового певца.
 Тонкий породистый нос, четко очерченные губы, сжатые крепко - наверняка с характером мужчина, - большие глаза с залегшими под ними смешливыми морщинками, слипшиеся от воды черные ресницы, ровные брови вразлет - Ян был из тех, кто Саше нравился, но чье внимание она привлечь опасалась. Сашина мама, одна растящая двоих дочерей, неоспоримый эксперт в вопросе мужчин, не раз с тяжелым вздохом говорила: "Красивый муж - чужой муж!". Улыбаясь, он испытующе смотрел прямо в глаза Саши, и она робела, обмидала, не понимая смысла этого откровенного прямого взгляда.
 Он был высок, выше нее на голову, огромен в сравнии с ее хрупкой фигуркой. От его сильного тела веяло жаром, и прикосновение его пальцев к своей коже Саша почувствовала как удар током. Его длинные пальцы, скользнув по ее груди, бесцеремонно цапнули блестящую подвеску и теперь крутили голубой камешек, пока мужчина внимательно его рассматривал. Цепочка была слишком коротка, ему пришлось встать практически вплотную, чуть касаясь Саши, и девушка почувствовала, как ее начинает колотить от близости его сильного горячего тела. На миг ей показалось, что он пытается обнять ее за талию, она даже почувствовала жар его ладони на своей пояснице, и от этой опасной близости девушка едва не ахнула, вздрогнув. Но он не тронул; не посмел. Ладонь его остановилась буквально в сантиметре от ее кожи, дрогнула и опустилась, не коснувшись.
 - Подарок? - утвердительно произнес генеральный, с ослепительной полуулыбкой внимательно всматриваясь в ее лицо, рассматривая так, словно увидел нечто удивительное, очень интересное и хотел навсегда запечатлеть увиденное в памяти.

Саша не могла понять такого пристального интереса к своей персоне и лишь изумленно хлопала глазами, не видя ничего кругом кроме этих пронзительных синих глаз, в которых с каждой секундой все ярче разгорались искры смеха и какого-то странного, необъяснимого ликования.

- Идеально подходит к вашим глазам.
 Он еще раз улыбнулся, практически рассмеялся, всматриваясь в ее глаза, и чуть покачал головой.
 - Да, - тихо ответила она, вынимая вещицу из его пальцев. Они были горячие, и прикосновение к ним было словно еще один разряд тока, пробившего девушку до самого сердца. - На новый год. Друг подарил. Мой парень.
 Ни говоря ни слова, генеральный оступил, никак не объяснив своего внезапного интереса к сашин персоне и девушка, покраснев до ушей, бросилась скорее к ожидающей ее подруге.
 В бассейн она прыгнула, с облегчением чувствуя, как вода остужает и освежает ее пытающее лицо. Лилька, осторожно двигая руками, перебирая ногами как лягушка лапами, переживая за свою прическу, подплыла к вынырнувшей и отфыркивающейся Саше и нетерпеливо зашипела, морщась от летящих в разные стороны брызг:
 - Чего он к тебе прицепился?
 - Он всегда такой бесцеремонный? - выпалила Саша, отфыркиваясь, чувствуя, как колотящееся сердце едва не разрывает ей грудь. - Что за мода такая - хватать за грудь кого попало?
 - Что он хотел?! - всполошилась Лилька. - Приставал, что ли?! Вообще охамел!
 - Смотрел мишкин подарок, - ответила Саша. Место на груди, где Ян коснулся пальцами, словно горело огнем, даже вода не в состоянии была смыть это ощущение - волнующее и приятное... Нет, Саша не обольщалась. И заблуждений насчет собственных чувств у нее не было; ей просто польстило внимание этого красивого мужчины и слегка возбудил этот внезапный контакт - чересчур близкий и бесцеремонный, какой-то опасный, заставивший ее поверить в то, что он может ее коснуться, остановить...
 - А, это, - протянула Лилька, отчасти успокаиваясь. - Да я просто такую вещицу хотела, все уши ему прожужжала, но это же мужик, черта с два он что понял. А теперь на тебе увидел - вспомнил, наверное. Может, сделает соответствующие выводы...
 Саша уже не слушала ворчание подруги. Руки ее дрожали от непонятного чувства и она поплыла подальше от бортика, на котором так и стоял Ян, пристально ее рассматривающий.

7. Пока часы двенадцать бьют

Вот так просто?!
 Вот эта хрупкая маленькая девушка с застенчивой улыбкой, с забавными разными глазами - ершистая, колючая, с характером, - и есть она? Его нечаянная любовница?! Никаких долгих поисков, мучительного ожидания? Так просто?.. Впрочем, надо было этого ожидать. Если они настолько близки с Лилей...
 Голубая подвеска, так гармонирующая с ее пронзительно-голубым глазом, была та самая. Та, что он купил для Лили и оставил у нечаянной любовницы ночью. Он хорошенько рассмотрел вещицу, ошибки быть не могло. "Или все же этих подвесок, похожих друг на друга, одинаковых, может быть несколько? - подумал Ян. - И подружек у Лильки тоже несколько, - тут же осадил он сам себя, - и одной она отдала свои вещи, а у второй совершенно случайно оказалась такая же побрякушка? Да нет же! Слишком много совпадений! Это она, моя горячая штучка..."
 Ему показалось, что если он склонится над ней, коснется ее губ, то тотчас узнает наверняка, та ли эта девушка. Он вспомнил нежные прикосновения, горячее дыхание, мягкий носик, прикасающийся к его носу, влажные, чуть припухшие губы, такие нежные, вкусные и податливые под его языком... Вот же черт, кажется, он заводится снова, тело само напрягается, словно девушка все еще в его руках, под ним, и он прижимается к ней, накрывая ее собой... От воспоминаний о том, как эти стройные бедра мягки и податливы под пальцами, как они обнимают его тело, какая гибкая эта поясница под ладонями, Ян ощутил приятное возбуждение. Так, лучше не думать об этом, не то можно попасть в неловкую ситуацию...
 Девушка не вернулась, Лилька вылезла из бассейна одна. Ян поискал глазами и увидел у противоположного края бассейна знакомую тонкую фигурку. Саша отжимала волосы, и на миг ему показалось, что девушка тайком глянула в их сторону. Смутилась; откинула потемневшие от воды волосы на плечи и поспешно ушла в раздевалку.
 "Хорошенькая, - подумал Ян, вспоминая стройные ноги девушки, небольшую, но красивую грудь, тонкие черты милого личика, трогательные ямочки на щеках, когда Саша улыбалась, и упрямое выражение ее лица, когда речь зашла о ее разноцветных глазах. - Ничего особенно, но..."
 - Чья это подружка? - кивнув в сторону, куда ушла девушка, поинтересовался Ян, покуда Лилька, недовольная его равнодушием и безразличием, наскоро вытиралась махровым полотенцем.
 - Понравилась? - едко поинтересовалась Лилька. Ян перевел на нее взгляд и впервые за этот день впервые глянул в ее глаза.
 - Очень, - елеинным голосом произнес он, чувствуя, как ярость закипает в нем. Глядя в сердитые глаза любовницы, Ян увидел, что она ревнует - не столько к подруге, сколько к самой мысли о том, что он, после всех ее ночных переживаний и слез, так запросто интересуется другой. Злитесь, что он не выманивает у нее прощения с видом побитой собачонки. А ведь она именно этого ожидала - оправданий, скандала и его неловких, жалких извинений. - Ты себе даже не представляешь, насколько!

 Наверное, несмотря на расслабленную позу, вид у него был угрожающим, в глазах появилось выражение жестокости, и Лилька, учуяв опасность, тотчас смолкла. Вряд ли Ян посмел ее оскорбить и тем более поднять на нее руку; несмотря на то, что отношения их начали развиваться совсем недавно, Лилия уже успела изучить Яна. Он был прекрасно воспитан и не позволил бы себе выразить свое недовольство в нецензурной брани и, тем более, в рукоприкладстве. А вот молча встать, отвернуться, уйти, не слушая никаких возражений, он вполне мог. И завтра это был бы уже совершенно другой человек - далекий, замкнутый, отстраненный, холодный. Чужой. И обратного пути не было бы. Ян был не тем мужчиной, которого можно было заставить униженно просить прощения. И вряд ли он стал бы любить женщину, которая вздумала бы его унижать.
 Лилька была красивой. Очень красивой, невероятно. Каждой своей чертой, глубиной серых больших глаз, изгибом бровей, трепетом длинных пушистых ресниц, аппетитностью форм - всем. Красивая женщина, соблазнительная, игривая. Не глупая, далеко не глупая. Интересная даже. Умела зацепить. Но отчего же тогда с ней наедине было

так... скучно и тяжело?
 Лилька отчаянно хотела понравиться. Всем, каждому. Очаровать, обаять, произвести впечатление. Приковать к себе все взгляды, запомниться. Пускала в ход свои чары, все свое умение нравиться, весь шик, красоту, ум. Женщина-праздник. Шумная и яркая. И ей всегда удавалось привлечь к себе внимание. Она была центром внимания для всех. Не для кого-то одного. Не было в ней интимности и сокровенности. Котиками для нее были все - и он, и его личный шофер, и молоденький курьер. Все.
 А Саша с разными глазами, внезапно понял Ян, даже не попыталась произвести впечатление. Даже странно. Но на ее простом милом личике даже мысли не отразилось, что можно позаигрывать с ним - с ее директором, между прочим, - чтобы расположить его к себе... Так, на всякий случай, на будущее. Да и просто из женского кокетства, из желания понравиться. Что это, верность подруге? Или своему парню, тому храпящему в коридоре пьянице? Или простая бесхитрость? Вот не подумала - и все? И тотчас ушла в защиту, стоило ему подойти ближе, выстроила стену между ними.
 "Подарок моего парня. Парня..."
 Не трогай чужое руками!
 - Да Михи Никольского, - вместо Лильки ответил безопасник, откидываясь на свой шезлонг. - Программист. Башковитый парень.
 - Еще какой, - язвительно подтвердила Лилька, плюхаясь на свое место и сердито надувая губы. - Даже не смотри на нее, милый, тебе там ничего не светит. У нее с Мишей все чудесно-о-о, - премеерзким голосом пропела она, явно дразнясь. - Потому что он, в отличие от некоторых, провел эту ночь в номере, и был на высоте-е-е!
 - Неужели? - с самым безразличным видом переспросил Ян, нарочно игнорируя ее оскорбительные намеки в свой адрес, и Лилька язвительно сощурилась:
 - Она сама мне сказала. Практически похвасталась! Я рыдала, как дитя, от зависти! Такая любовь, такая страсть!
 Еще одна отвратительная привычка Лили - выносить их отношения на всеобщее обозрение, и неважно - ссоры или наоборот, какие-то милые моменты. Она, ничуть не стесняясь, выбалтывала тайны, какие-то интимные секреты, несмотря на наличие рядом посторонних людей. Запросто могла называть его ласковыми прозвищами при всех, при собеседниках, которым совершенно не нужно знать, что наедине она называет его Сахарком. Она словно хотела лишний раз похвалить находящегося рядом с ней мужчину, продемонстрировать всем, как она им гордится - и за что, - но выходило это неловко, неуклюже, неуместно и грубо. Словно в этот момент Лилька лишалась всего своего природного чутья и такта.
 - Сказала, - не унималась Лили, зло щуря подкрашенные глаза, - что он у нее с фантазии-е-ей!
 Ян промолчал, пригубив свой бокал с пивом. На высоте, хм... Ну, хоть "фантазии" его девушке понравились. И этот Никольский еще не устроил ей сцену, судя по всему. За это можно выпить.
 - Все, прекрати, - рыкнул на злопыхающую Лильку Ян. - Я просто спросил. Можно было обойтись без этих подробностей?

Саша вернулась в номер в слегка возбужденном состоянии. Внезапный интерес к ее персоне со стороны Яна взбудоражил ее, ощущение прикосновения к груди никак не проходило. И этот его внимательный взгляд, смех, зажигающий искры в синих глазах...
 Не думать, не думать!
 Саша даже не обратила внимания на Мишу, который к ее приходу уже проснулся и привел себя в порядок. Кажется, даже комнату проветрил - воздух был морозный, Саша почувствовала, как ее мокрой голове стало холодно. Она слышала его вежливое покашливание в комнате, но не окликнула его, не спросила ни о чем - выпался ли он, хочет ли завтракать... Ни о чем.
 Внимательный взгляд Яна будоражил ее сознание. Его близость, его улыбка, рука, порывающаяся провести по ее спине... Саше до сих пор казалось, что она чувствует жар его ладони, едва не коснувшейся ее талии. Это и злило ее, и заводило одновременно. Злило оттого, что Саша искренне считала, что просто попала не в то время и не в то место. Влюбленные поссорились, и Ян, чтобы насолить Лильке, которая, видимо, сернула ему всю кровь, обратил свое внимание на Сашу. Решил слегка поиграть, значит, а ее, Сашу, выбрал в качестве средства мести. Как удобно ложащийся в руки ремень для порки. Как вещь, вот черт! Лилька еще

спросит с нее за то, что ее мужчина любезничал с ней, дружба дружбой, но это золотце дракониха-Лилька никому трогать не позволит. Ссориться с ней Саша не хотела и выслушивать ее язвительные вопросы и подколки тоже, поэтому настроение ее испортилось. Но не одни лишь предстоящие разборки с подругой омрачали ее настроение.

Ян.

Его близость неожиданно для самой Саши оказала на нее гипнотическое воздействие. Оказавшись там близко к грозным шефом, Саша не почувствовала испуга или напряжения, напротив - она вдруг увидела в нем мужчину. И он, несмотря на все установки и предостережения матери - не смотри, не по себе кусок хочешь! - понравился ей. До дрожи в руках. До бессовестной влаги в трусиках. И, что хуже всего - она, даже упомянув о наличии парня, все равно со странной надеждой заглядывала Яну в глаза, желая рассмотреть там интерес к себе, и, кажется, рассмотрела... Или ей это только казалось? Просто хотелось в это верить?

- Это что ж такое?! - бормотала она, залетев в ванную и хлопнув за собой двери. Руки дрожали, из зеркала на нее смотрело какое-то незнакомое, не ее лицо - щеки красные, глаза шальные, с расширенными зрачками, губы дрожат... - Что это такое, а?!

"Да он бабник бесстыжий, - думала Саша, стараясь убедить себя в этой немудреной мысли, вызывая к собственному разуму. - Вот и решил сверкнуть обаянием... Лилька же сказала, что он где-то болтался всю ночь. Крас-сивый мужчина, мать его... Небось, отказа не знает, привык к всеобщему вниманию. Ему все равно, за какой юбкой волочиться. Лишь бы за зад ухватить! Да это вообще лилькин ухажер, в конце концов. Не смей думать о нем!"

И, тем не менее, улыбки генерального, его прикосновение волновали Сашу, ей хотелось думать и думать о них, и она с упорством мазохиста прокручивала в памяти мгновения, когда он стоял рядом, чуть склонив голову. Чтобы успокоиться, она открыла кран с холодной водой и пригоршней песнула воды в пылающее лицо.

- Саша? - Мишка деликатно стучался в запертую дверь, но девушка словно не слышала его, умываясь ледяной водой, набирая пригоршнями еще и еще, до тех пор, пока не заломило от холода покрасневшие пальцы.

- Саша, все хорошо?

- Да! - грубо выкрикнула она, чувствуя, как к остывшим щекам ее снова приливает горячая кровь, и становится нестерпимо стыдно.

- Дура, какая же я дура! - ругалась она, яростно терзая ни в чем не повинное полотенце. Утренняя эйфория казалась ей смешной и наивной. Ночная идиллия, нежные поцелуи, которые, казалось, предать было невозможно, растворились в одной улыбке этого бессовестного человека, в его синих смешливых глазах. От осознания этого становилось нестерпимо стыдно; Саша заставляла себя вспомнить стастную ночь, заставляла себя думать о Мише, который стоял сейчас за дверями ванной и с тревогой в голосе о чем-то спрашивал, но одно прикосновение, одно невинное прикосновение Яна к ней затмевало все, и Саша яростно кусала губы, кляня себя последними словами.

"Да у него таких, как я, три сотни, - яростно думала Саша, игнорируя тревожный стук в двери ванной. Она прекратила тереть ледяными ладонями лицо - бушующего пожара все равно было не погасить, - и смело глянула в зеркало. - Дура. Растаяла. Понравился - да, черт подери, дура, он понравился тебе! Купилась на смазливое личико! На улыбку... на внимание, курица убогая! Господи, да нельзя же быть такой... жалкой! Должна же гордость быть, в конце концов! Не хватало еще начать бегать за ним..."

- Ну, прости меня, Саша! - выкрик Мишки, наконец, дошел до ее сознания, и Саша, мало что понимая, обернулась к дверям. - Прости!

- Что? - прошептала Саша. - За что?

- Ты же все понимаешь, - тоскливо простонал за дверями Миша. - Ты же знаешь мою маму... Она вечно меня держит на коротком поводке, туда не ходи, этого не делай... Я правда никогда... это первый и последний раз, я клянусь! Я обещаю! Ну, не плачь...

- Что первый раз? - не поняла Саша. - Что ты натворил?!

Она распахнула двери и вывалилась из ванной комнаты с видом убийцы, едва не сбив Мишу с ног.

- Что еще?! - взвизгнула она, с ненавистью сверля молодого человека взглядом. Вид у нее был взъерошенный и дикий, лицо мокрое и красное от холодной воды, и это лишний раз подтвердило Мише его теорию: Саша в ванной плакала.

- Я клянусь, - изо всех сил вытягивая шею, как гусь, бормотал Миша, прижимая руки к груди, - этого не повторится! Я не

рассчитал сил. Да, опрометчиво было соглашаться еще посидеть, но я никогда раньше...
Что он бормочет такое?!
 - Но Пахомыч... ты же его знаешь, он мертвого уговорит! И я нигде, я чес-слово, тут был...
Что он говорит?!
 - Да, это стыдно, - с видом очень отважного человека признал Миша, пряча глаза. - Это очень стыдно, напиться до беспамятства и спать в коридоре, у всех на виду, но я клянусь - я нигде не был, я просто уснул под дверью. Искал ключ и...
 - Что ты несешь?! - прошептала Саша, отказываясь что-либо вообще понимать.
Миша же вчера с ней был?! Пошел к Пахомычу за подарками - вот же они, маска и украшение, - и вернулся слегка выпившим, но не настолько, чтоб спать в коридоре! Да и вообще, они же заснули вместе! Какой коридор?..
 - Когда ты пришел? - произнесла Саша упавшим голосом. В ее мозгу начало заоржаться какое-то подозрение, какое-то смутное и тревожное сомнение, и Миша, стушевавшись под ее взглядом, опустил голову, спрятал глаза.
 - Утром, - ответил он тихо. - Ты спала уже.
Утром!
Это слово грянуло как гром среди ясного неба, и Саша почувствовала, как ее трясет, словно в лихорадке. Утром! Уже спала! А с кем же она ночь-то провела?!
От осознания, что совершенно посторонний, чужой мужчина вытворял с ней все эти штуки, у нее голова закружилась, к горлу подступила дурнота, Саша покачнулась, вцепившись пальцами в косяк. Первой мыслью было - господи, да это же маньяк какой-то! Проник в номер, обманул, воспользовался отсутствием света... Нужно звонить в полицию или куда там еще, а вдругон влоимится еще к кому-нибудь? А вдруг он вернется?! "Преступники всегда возвращаются на место преступления", - вертелась в голове когда-то услышанная фраза.
Оттолкнув Мишу, Саша ринулась в комнату, к телефону. На прикроватной тумбочке лежала маленькая коробочка, и Саша вспыхнула от стыда, рассмотрев крышечку и прочитав надписи на ней. Вот дура-то! Поверить в то, что Миша на такое способен! Еще и Лильке нахвасталась...
Но рядом с телефоном, таинственно поблескивая бисерной вышивкой, лежала черная бархатная маска. От легкого сквозняка трепетали пушинки страусовых перьев, и Саша, уже ухватившая трубку, вдруг остыла, вернула ее на место и молча села на кровати, сложив руки на коленях.
Подарки. Он говорил, что купил много подарков - значит, никакой не маньяк. Шел к своей женщине на свидание, купил много подарков... Вот кому не повезло-то! В темноте спутал номера.
"Но тоже хорош, гусь, - подумала Саша, кое-как отходя от шока. - Как можно спутать свою женщину с постронней?! Болван! Я-то хоть Мишку ждала думала - он... Вот и как теперь поступить?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.